

Хинрик Ринк
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
ЭСКИМОСОВ

Хинрик Ринк

Мифы и легенды эскимосов

«Центрполиграф»

Ринк Х.

Мифы и легенды эскимосов / Х. Ринк — «Центрполиграф»,

Хинрик Ринк, известный датский ученый, собрал в этой книге более трехсот самых распространенных эскимосских легенд, сказок и преданий. Представленный фольклорный материал вмещает в себя все интеллектуальное и духовное своеобразие нации. Северные сказания знакомят с общими представлениями гренландских эскимосов о картине мира, о добре и зле, отражая нравственные и общественные законы этой этнической группы.

Содержание

Часть первая	5
Питание и образ жизни	5
Язык	7
Социальное устройство, обычаи и законы	8
Основные правила, имеющие отношение к собственности и добыче	9
Религия	11
1. Общие представления о существовании мира, высших силах и концепции добра и зла	11
2. Сверхъестественные силы, оказывающие влияние на жизнь человека	12
Инуа	12
Колдовство	14
3. О том, каким образом человек может заручиться сверхъестественной помощью, чтобы отворотить зло и получить пользу	14
Общерелигиозные средства	14
4. Ангакунек, или магическое искусство	15
Вероятное происхождение и история	16
Часть вторая	17
Введение	17
1. Кагсагсюк	20
2. Прозревший слепец	23
3. Игимарасугсюк	26
4. Кумагдлат и Азалок	28
5. Акигсиак	32
6. Друзья	34
7. Катерпарсюк	36
8. Сказка о двух девочках	38
9. Братья навещают свою сестру	39
10. Кунук-сирота	41
11. Неверная жена	46
12. Человек, который женился на морской птице	48
13. Бесплодная жена	50
14. Два брата	53
15. Гивиок	55
16. Тиггак	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Хинрик Ринк

Мифы и легенды эскимосов

Часть первая

Этнографический очерк

Питание и образ жизни

Жизнь эскимосов полностью зависит от добычи тюленей и китообразных, именно это сделало их обитателями морского побережья. Жир этих животных, а также тюленьи шкуры, позволяют эскимосам переносить суровый арктический климат и совершенно не зависеть от каких бы то ни было растительных ресурсов. Тюлени – необходимое и достаточное условие их существования. Добывают их частью с каяков – легких лодок в форме челнока, частью со льда или берега.

Главными приспособлениями для охоты у эскимосов служат:

каяки, или лодки, состоящие из деревянного каркаса, скрепленного ремнями, и водонепроницаемой обшивки из тюленьих шкур;

специальная куртка, фартук и другие приспособления к каяку, позволяющие полностью защитить охотника на тюленей от воды; открытым у него остается только лицо. У некоторых эскимосских племен встречаются двух- и более местные каяки (таковы, например, *байдары* эскимосов Берингова пролива); у самых северных племен каяков нет вообще, поскольку море там почти все время покрыто льдом;

охотничьи пузыри – надутые воздухом пузыри морских зверей, прикрепленные на ремне к гарпуну или дротику. Они призваны помешать раненому животному уйти, а в случае промаха удержат оружие на поверхности;

особым образом закрепленные на древке *наконечники гарпунов* и других метательных орудий. Проткнув кожу животного, такой наконечник отделяется от древка и разворачивается в ране; древко или совсем отделяется, или остается висеть на ремне вместе с пузырем. При этом раненое животное не может сломать гарпун или выдернуть наконечник из раны;

сани с собачьей упряжкой.

Жилища у эскимосов обязательно двух видов – шатры для летней кочевки и зимние дома.

Шатры обычно рассчитаны на десять или меньшее число человек (иногда большее). Они представляют конструкцию из 10—14 шестов, скрепленных на одном конце и покрытых двойным слоем шкур. Шатры, судя по всему, повсюду устроены примерно одинаково и отличаются от жилищ соседних племен только тем, что самые длинные шесты и самая высокая часть шатра находятся либо в центре его, либо на входе.

Зимние дома гораздо более разнообразны. Обычно они строятся из камней и земли, с деревянными стропилами и подпорками для крыши. Только эскимосы центральных районов пользуются снежными домами; западные эскимосы строят свои дома преимущественно из досок и покрывают снаружи дерном. На Крайнем Севере они вынуждены использовать вместо дерева камни и кости морских зверей. Что же касается устройства домов, то в каждый из них ведет длинный и очень узкий проход, приподнятый на обоих концах – то есть, входя в дом, человек должен сначала спуститься вниз, а затем снова подняться, прежде чем попасть внутрь. Внутренняя часть состоит из одной комнаты, где находится только лежанка или скамья для отдыха и сна; помещение разделено на части для отдельных семей. Входной коридор, или

туннель, обычно имеет боковую комнатку с очагом. В прежние времена в более многолюдных селениях принято было иметь также общественное здание для собраний и торжественных случаев. В зимнем доме почти всегда живет не одна семья, но число их редко превышает три или четыре, хотя встречаются дома около 20 метров в длину, предназначенные для десяти семей.

Мужчины и женщины у эскимосов одеваются фактически одинаково – в облегчающие штаны и куртку с капюшоном, который можно натянуть на голову (по крайней мере у мужчин); открытыми остаются только лицо и кисти рук. Так же примерно устроена и куртка каякера¹, нижний край которой плотно прижимается к специальной раме вокруг места, где сидит охотник; руки его при этом защищены непромокаемыми кожаными рукавицами. Обувь эскимосов – различные башмаки и сапоги – изготавливается с большим мастерством из тщательно и изобретательно подготовленной кожи.

Правильнее отнести эскимосов к оседлым, а не кочевым племенам, так как обычно они по многу лет зимуют на одном месте. Однако остальную часть года они постоянно находятся в движении, перевозя шатры и вещи с места на место; маршрут выбирается в зависимости от цели – будь это охота на северных оленей или на тюленей, рыбная ловля или торговый обмен.

Эскимосы ведут жизнь охотников и рыболовов и, говоря в широком смысле, не имеют собственности. Они владеют лишь самыми необходимыми предметами и запасом провизии меньше чем на год; большего им не позволяют традиции и обычаи.

В целом собственность эскимосов можно классифицировать следующим образом:

1. Собственность нескольких семей, имеющая отношение к зимнему дому; правда, реальную ценность здесь имеют только его деревянные части, все остальное женщины сооружают из подручных материалов.

2. Общая собственность одной или максимум трех родственных семей – шатер и прочее хозяйственное имущество, как то: лампы, корыта, деревянные блюда, каменные котлы; лодка *умиак*, в которой можно перевезти все это имущество, включая и шатер; сани или двое саней и собачьи упряжки к ним. К этому можно добавить припасы на зиму, исключительно на которых обычно можно прожить два-три месяца; и, наконец, различный, но всегда очень небольшой запас предметов для обмена.

3. Что касается личной собственности, то таковой можно признать одежду (обычно, по крайней мере у главных членов семьи, это два комплекта, больше бывает редко); швейные принадлежности у женщин; каяки у мужчин вместе с относящимися к ним принадлежностями, инструментами и оружием; кое-какие другие инструменты для работы по дереву; оружие для охоты на суше. Только самые лучшие охотники на тюленей владеют двумя каяками, но у некоторых по два комплекта принадлежностей к ним (это большой гарпун – отдельный наконечник и древко с ремнем и пузырем; малый гарпун или дротик с пузырем; дротик для охоты на птиц; копье с гладким незазубренным наконечником; рыболовные снасти и еще кое-какие мелкие предметы).

Несмотря на весьма ограниченные представления о собственности, эскимосы поддерживали между собой что-то вроде торгового обмена, для чего предпринимали далекие путешествия (хотя могли отправиться в путь и просто так, без всякой определенной цели). Предметом обмена служили обычно необходимые в быту вещи или предметы, которые можно найти только в определенных местах – такие, как мыльный камень, лампы и сосуды из него, китовый ус, моржовая кость и зубы нарвала, некоторые сорта кожи, иногда даже готовые лодки и каяки, но почти никогда продовольствие.

¹ Каякеры – охотники в каяках – одноместных каное из шкур для охоты на тюленей. (Примеч. пер.)

Язык

Диалекты всех эскимосских племен близки между собой и понятны в любом месте, где живут настоящие эскимосы.

Социальное устройство, обычаи и законы

То, о чем пойдет речь в этом разделе, тесно связано с особенностями образа жизни эскимосов, что вполне естественно. Жизнь народа охотников требует естественного партнерства и совместного владения вещами; это ограничивает права собственности и позволяет многим пользоваться результатами труда одного человека. Разумеется, это уравнивается определенными обязательствами со стороны остальных. Рассмотрим особенности общественного устройства эскимосского общества.

Эскимосы образуют сообщества трех видов: семья, обитатели одного дома и жители одного зимовья. Связей такого рода между зимовьями практически не существует.

Семья. Очень редко можно увидеть, чтобы мужчина имел больше одной жены, но право его развестись с женой и взять другую почти не ограничено. Однако и развод, и полигамия, и обмен женами пользуются поддержкой общественного мнения только в том случае, если необходимы для продолжения рода, особенно для появления наследников мужского пола. Браки устраиваются тремя путями: через посредников, по договоренности с детства и силой. Некоторая доля насилия при заключении брака обычна для всех варварских и диких племен. Кроме того, для заключения брака необходимо согласие родителей и братьев невесты. В сказках часто встречается сюжет о девушке, у которой было множество прекрасных поклонников, но которую не хотели отпускать от себя братья или родители. Брак заключается без особых церемоний и не накладывает никаких особенных обязательств. Невеста приносит в дом жениха свою одежду, особый полукруглый *нож уло* и обычно лампу. Семья в узком смысле, как правило, включает, кроме супругов и их детей, еще приемных детей, вдов и других зависимых и беспомощных родичей, которые занимают подчиненное положение и являются чем-то вроде прислуги. Мы склонны считать, что так называемые рабы, или пленники, западных эскимосов занимают примерно такое же положение. Семья в более широком смысле включает женатых детей, если они не заводят себе отдельный зимний дом, отдельную лодку и шатер для летних кочевков. Именно владение такого рода собственностью определяет реальное сообщество – семью. Иногда в нее включаются и родители второго супруга. Жена всегда подчиняется матери мужа. Кроме того, муж имеет право наказать жену ударом по лицу, достаточным для того, чтобы остался видимый след. Зато дети и тем более слуги никогда не подвергаются телесным наказаниям. Если у мужчины две жены, вторая считается всего лишь наложницей и занимает место первой только в случае ее смерти. В случае развода сын всегда уходит с матерью. В результате такой организации в семье обычно бывает больше одного кормильца. Главой семьи считается владелец лодки и летнего шатра. После смерти эти вещи переходят к старшему сыну вместе с обязанностями кормильца. Если у покойного нет взрослого сына, место кормильца занимает ближайший родственник; когда же дети вырастут, их мать может завести вместе с ними собственный дом, не оглядываясь на их приемного отца.

Обитатели одного дома. В Гренландии в одном доме часто живут несколько семей. Каждая из них ведет по большей части отдельное хозяйство; каждой семейной паре и их детям отведено свое место на главной лежанке, рядом стоит своя лампа; неженатые обитатели дома и гости спят на боковых лежанках и лежанке у окна.

Жители одного зимовья или селения постоянно контактируют друг с другом и в селении, и в общих охотничьих угодьях и, вполне естественно, составляют тесную общину. Никто посторонний не может поселиться рядом без общего согласия обитателей зимовья.

Основные правила, имеющие отношение к собственности и добыче

От каждого добытого тюленя каждый обитатель зимовья получал небольшой кусочек мяса и соответствующую часть жира; если на всех не хватало, первыми свою долю получали обитатели дома. Не обходили никого; таким образом, даже самые бедные не нуждались в пище и жире для ламп, пока охотники зимовья регулярно возвращались с добычей. Кроме того, удачливый охотник обычно приглашал остальных разделить с ним трапезу.

Вне постоянных селений каждый имел право поставить дом, охотиться и ловить рыбу где угодно. Даже запруды, перегораживавшие реку на летних ловищах, никому не принадлежали; их мог использовать или даже разрушить кто угодно.

Каждый, кто нашел кусок дерева или какие-то бесхозные вещи, становился их законным владельцем; для этого ему достаточно было вытащить вещи выше линии прилива и отметить камнями.

Если раненый тюлень уходил с наконечником гарпуна, охотник терял на него право, как только зверю удавалось освободиться от охотничьего пузыря. То же самое происходило, если зверь с маленьким пузырем от дротика уходил далеко. Тот, кто находил и приканчивал раненого тюленя, забирал тушу себе, а оружие возвращал владельцу, если таковой объявлялся.

Если два охотника одновременно поразили птицу или тюленя, добытую тушу делили поровну вместе со шкурой. Но если речь шла об олене, его получал тот, чье оружие попало ближе к сердцу; второму доставалась только часть мяса.

Всякая необычная – по виду или размеру – добыча считалась общей даже в большей степени, чем обычная. Это относилось также к первой добыче сезона и зверям, добытым в период нужды или длительных неудач. А самые большие звери – преимущественно киты – вообще считались общей добычей. Каждый, кто принимал участие в разделке туши, мог получить свою долю, независимо от места жительства и от того, принимал ли он участие в охоте.

Если не удавалось добыть ни тюленей, ни других крупных зверей, то самые обеспеченные провизией семьи в доме обычно приглашали остальных принять участие в трапезе. К остальным обитателям зимовья это не относилось.

Если один охотник одалживал у другого оружие или инструменты, а затем терял или повреждал их, он не должен был никак компенсировать потерю. Более того, если хозяин переставал следить за своими лисьими ловушками, то любой, кто привел их в порядок, сторожил и проверял, становился законным владельцем добычи.

Если человек пожалел о совершенной сделке, он имел право отказаться от нее. Ничего не продавалось в кредит без немедленной оплаты.

К этому можно добавить некоторые общие правила.

Каждый здоровый мужчина обязан был заниматься морской охотой до старости или пока его не сменит сын. Соответственно, он обязан был с детства готовить сына к этому нелегкому делу.

Жизнь в тесных и скученных сообществах делала необходимым правило *дружеского спокойного общения* – всякие ссоры и споры были запрещены. Вследствие этого в гренландском языке практически нет ругательств.

У эскимосов не было ни судов, ни органов управления – все вопросы решались на общих встречах.

Собрания первого рода – ежедневные общие трапезы, на которые добытчик приглашал других охотников. Участвовали в них только мужчины, женщины ели позже; на таких встречах обсуждались и оценивались события дня и другие вопросы, представлявшие общий интерес.

Другие собрания представляли собой настоящие праздники, которые устраивались обычно в середине зимы; но бывали и летние праздники, куда, конечно, съезжалось больше гостей. Кроме еды и разговоров, главными развлечениями таких праздников были:

- различные игры и состязания в силе и ловкости;
- пение и игра на бубнах с танцами и декламацией;
- сатирические или оскорбительные песни, исполнявшие в каком-то смысле роль суда.

Любимым развлечением была игра в мяч. Играли двумя способами – либо члены одной команды перекидывали мяч друг другу, а члены второй пытались его перехватить, или для каждой команды устанавливалась своя цель на расстоянии 300—400 шагов, и игроки старались попасть в нее мячом, пиная его ногами с разных сторон.

Практиковались также состязания на силу рук и пальцев, упражнения на натянутой под потолком веревке, гонки на каяках, боксирование на ровной площадке и др.

Любые споры, кроме тех, которые требовали кровной мести и смерти обидчика, разрешались при помощи оскорбительных песен. «Истец», имевший какие-то претензии к «ответчику», заранее складывал песню и приглашал противника встретиться с ним, указывая время и место. Обычно, особенно в важных случаях, у каждой стороны была группа поддержки, сменявшая его при необходимости. Пение сопровождалось игрой на бубнах и танцами. Одобрение или осуждение аудитории и было решением «суда» – а заодно и наказанием.

Что касается настоящих преступлений, то нарушение прав собственности, по понятным причинам, могло быть только пустяковым. Убийство же требовало кровной мести со стороны ближайшего родственника. Исполнив месть, он должен был объявить об этом родным убитого.

Религия

1. Общие представления о существовании мира, высших силах и концепции добра и зла

О происхождении и истории мира, о богах или высших силах у эскимосов можно обнаружить лишь самые отрывочные сведения. Мир принимается как данность, без всяких рассуждений о том, откуда он взялся. Рассматриваются только действующие в настоящий момент силы, влиянию которых подвержена жизнь человека.

У человека, как и у животных, есть *тело и душа*. Душа тесно ассоциируется с дыханием; она совершенно не зависит от тела и может иногда на время покидать его. Ее нельзя увидеть при помощи обычных чувств, это доступно только особым людям или людям в особом состоянии духа – они видят душу в форме тела, которому она принадлежит, но только бесплотной и эфемерной. Человеческая душа продолжает жить после смерти точно так же, как и прежде. Душу можно ранить или даже уничтожить; с другой стороны, ее можно собрать заново и вылечить.

Видимым миром управляют сверхъестественные силы, или «хозяева» – *инуа* (ед. ч. *инук*). «Хозяин» может быть у любого предмета или понятия, но чаще всего говорят о «хозяевах» определенного места или человеческого качества – например, «хозяин» конкретной горы или озера, «хозяин» силы, «хозяин» страсти и т. д. Это понятие у других народов примерно соответствует представлению о духах или низших божествах.

Земля – и море на ней – держится на столбах и накрывает собой *нижний мир*, куда можно попасть с моря или через горные расщелины. Над землей расположен *верхний мир*, а над ним – твердое небо, похожее на створку раковины. После смерти души людей переходят в верхний или в нижний мир. Последний определенно предпочтительнее, поскольку там теплее и много пищи; там находятся жилища счастливых мертвых – *арсиссут* (те, кто живет в достатке). Те же, кто попадает в верхний мир, страдают там от холода и голода; их называют *арскартут* (игроки в мяч, они играют на небе в мяч головой моржа, что вызывает северные сияния).

Считается, что существуют определенные средства, при помощи которых человек может не только связаться с невидимыми «хозяевами», но и превратить их в своих помощников и слуг. Сверхъестественной помощью можно заручиться более или менее легко через особых людей – *ангакут* (ед. ч. *ангакок*), наделенных так называемой «силой, или мудростью, ангакока». Эти люди, однако, обретают свой дар через обращение к еще более высокой силе, которая и заставляет «хозяев» становиться «духами-помощниками» людей, или *торнат* (ед. ч. *торнак*). Этого повелителя духов так и называют: *торнарсюк*. Гренландцы считают, что этот верховный дух обитает в нижнем мире вместе со счастливыми мертвыми; но этим и ограничиваются представления о нем. В сказках его имя упоминается чрезвычайно редко.

Среди сверхъестественных сил в представлении эскимосов есть одна, символизирующая собой насыщение, удовлетворение физических потребностей человека. Поскольку еду эскимосы добывают почти исключительно из моря, неудивительно, что существо это обитает в глубинах океана и представляется в женском облике. Называют это существо *Арнаркуаггсак* (что означает также просто «старуха»). Она сидит в своем доме перед лампой; из лампы непрерывно стекает жир, который она собирает в особый сосуд. Из этого сосуда или из тьмы своего жилища она посылает вверх всех зверей, которые служат человеку добычей; если же она прекращает свое занятие, наступает нужда и голод.

Эти сверхъестественные силы, а также все действия человека, направленные на то, чтобы заручиться их помощью, рассматриваются обществом как положительные и достойные. Но,

кроме них, существуют и другие сверхъестественные силы, совершенно им противоположные. Искусство вызывать их передается из уст в уста людьми, которых общество не признает и не принимает. Это искусство всегда практикуют тайно, а целью его всегда является нанесение вреда другим в личных интересах вызывающего. Это искусство, называемое *кусуйнек* или *илисинек*, точно соответствует понятию колдовства и представляет собой худшую форму зла (это относится и к самой силе, и к тем средствам, при помощи которых можно заручиться ее помощью).

В фольклоре гренландцев, как и других народов, божественная справедливость, как правило, проявляет себя в этой жизни, но можно найти и признаки посмертного воздаяния или наказания; так, ведьмы, практиковавшие илисинек, отправляются в верхний мир, а те, кто совершил героический поступок или много страдал в этой жизни, – в нижний.

2. Сверхъестественные силы, оказывающие влияние на жизнь человека

Все подобные силы можно разделить на те, что связаны с *инуа* («хозяевами»), и те, что имеют отношение к злему колдовству.

Инуа

Для обычных человеческих чувств инуа представляются в виде пламени или яркого света; увидеть их очень опасно – с одной стороны, можно перепугаться до смерти, а с другой – это предвещает смерть кого-то из родных. Более того, некоторые из них способны даже на расстоянии извлечь душу из тела. Большое горе часто вызывало у человека состояние, называемое *суйларкинек*, в котором страдалец намеренно отправлялся искать всяческие ужасы и опасности, надеясь изгнать горе посредством сильных переживаний.

Люди после смерти могут вернуться в мир в виде призраков; некоторые из них при этом особенно опасны. Умерший становится *инуком* (ед. ч. от *инуа*) собственной могилы и принадлежавших ему при жизни вещей. Именно поэтому по вещам отсутствующего человека путем определенных манипуляций можно узнать, что их владельца настигла смерть или беда. Первые дни душа вообще пребывает в могиле вместе с телом. Самый безобидный способ, каким может проявить себя призрак, – это свист; затем тихое пение в ушах. (Так он просто просит кушать; если пение не прекращается, обычай предписывает сказать: «Возьми что хочешь» из припасов.) Призраки в телесном облике человека гораздо опаснее, особенно если это призраки умалишенных и ангакоков. Покойный рассматривается также как хранитель своих детей и внуков, особенно тех, которых назвали в его честь. Но говорят, что убитый может отомстить убийце, *вселившись в него*, и избежать этого можно, только если съесть кусочек его печени.

В легендах и сказках фигурируют различные персонажи – как люди, обладающие необычными свойствами, так и совершенно сказочные существа.

Люди или почти люди:

кивигток – человек, бежавший от человеческого общества и ведущий одинокую жизнь наедине с природой, обычно вдали от морского берега; обладает необычайной ловкостью, понимает язык зверей и чувствует состояние мировых опор. Люди обычно становятся кивигтоками из-за несправедливого или просто плохого отношения родичей или соседей по дому; виновные при этом подвергаются опасности мести со стороны беглеца;

ангиак – вытравленное или тайно рожденное дитя, которое превращается в злобного духа, специально чтобы отомстить родичам. С ангиаками схожи также те, кто в младенчестве или в более старшем возрасте превращается в чудовище и пожирает своих прежних соседей по дому;

ангердлартуксиак – человек, которого вырастили и воспитали особым образом; если он утонет во время охоты на каяке, его можно оживить и вернуть на берег. Чтобы добиться этого, мать ребенка должна строго поститься, а самого ребенка нужно приучить к запаху мочи и научить никогда не обижать собак. Кроме того, сажая ребенка в каяк для обучения, отец должен был пробормотать молитву, обращенную к покойным родителям или другим предкам, с просьбой взять малыша под защиту. Когда ангердлартуксиак возвращался на берег, некоторые вещи могли испугать его – а собаки защищали его и заботились о нем.

Если звери в легендах представляются говорящими или в человеческом облике, это не всегда чистая аллегория. Звери, по представлениям эскимосов, обладают сверхъестественными способностями и могут являться людям чем-то вроде призраков.

Мифические существа:

ингнерсуит (ед. ч. *ингнерсуак*, что означает так же «большой огонь») живут под поверхностью земли и в скалах на морском берегу, где располагаются обычно невидимые входы в их страну. Вероятно, их обиталища как-то связаны с настоящим нижним миром. Ингнерсуит бывают двух видов – верхние и нижние; первые доброжелательно относятся к людям и охраняют каякеров. Они похожи на людей, но у них белая кожа, маленький нос и красноватые глаза. Они живут так же, как сами гренландцы, но их дома и вещи лучше и богаче. Они часто сопровождают каякера, помогают ему и заботятся о нем, но сам он не может их увидеть; они видны только издалека и другим людям. У нижних ингнерсуит вообще нет носа; они преследуют каякеров, особенно самых лучших, волокут их к себе на дно и держат в плену;

каяриссат (ед. ч. *каяриак*) – каякеры громадного размера, которых можно встретить далеко в открытом море за пределами охотничьих угодий. Сведущи в колдовстве, особенно хорошо умеют вызывать шторм и непогоду. Подобно индейцам, пользуются однолопастным веслом;

кунгусутариссат (ед. ч. *кунгусутариак*) – морские люди, подлинные инуа моря. Обожают лисье мясо и лисьи хвосты, которые приносят им в жертву, чтобы попросить хорошей охоты. Ими пугают упрямых, непослушных детей;

инугнайт – великаны, населяющие землю за морем. Там все вещи имеют соответствующие размеры; кроме того, там живут одноглазые люди;

торнит (ед. ч. *тунек*) – самые известные *инуа* внутренней части острова. Их жилища имеются и там, где бывают люди, но входы в них скрыты землей и растительностью. По размеру они вдвое превосходят людей, но ведут такой же образ жизни; они тоже выходят в море на охоту, но только в туманную погоду и без каяков (сидят прямо на воде). Мудрый народ, торнит могут узнать мысли человека, прежде чем они будут высказаны;

игагидлит (ед. ч. *игагиллик*) – инландеры, которые бродят повсюду с котлом на плечах и одновременно готовят в котле мясо;

иссеркат (ед. ч. *иссерак*) – инландеры, которые моргают глазами поперек;

эркигдлит (ед. ч. *эркилек*) – существа с телом человека выше пояса и телом собаки ниже;

инуарутлигкат (ед. ч. *инуарутлигак*) – род карликов, обладающих дальнобойным оружием, которое достаточно только направить на жертву, чтобы поразить ее.

В глубине острова обитает еще множество всевозможных монстров (это и тени, и пузаны, и инуа отдельных скал и озер и т. д.). К ним можно отнести упоминающихся в сказках *амарсиниуков* и *куинасаринуков*.

Амарок, что в других эскимосских землях означает «волк», в Гренландии обозначает громадного сказочного зверя и постоянно упоминается в сказках.

Киливфак – зверь с шестью или даже десятью ногами.

Кугдлугиак – очень быстрый червь громадных размеров с множеством ног.

В верхнем мире тоже живут не только души умерших, но и несколько «хозяев». Среди них – «хозяева», или обитатели небесных тел, когда-то бывшие людьми. Они при жизни были

перенесены на небо, но по-прежнему связаны с землей и иногда посещают ее. «Хозяин» луны был когда-то человеком по имени Аningаут, а инук солнца была его сестрой; это женщина, прекрасная спереди, но сзади выглядящая как скелет. В сказках упоминается в основном луна.

Эрдлавирсиссок (выдирающая внутренности) – женщина, живущая на пути к луне и вынимающая внутренности у каждого, кого луна сумеет рассмешить.

Сиагтут, или три звезды пояса Ориона, были когда-то людьми, которые вышли когда-то на охоту и заблудились на льду.

Вообще же число инуа, или «хозяев», практически неограниченно.

Колдовство

Как уже говорилось, источником колдовства является вселенское зло – а именно смерть и все, что так или иначе ведет к смерти, вроде болезней и голода. Тех, кто практикует такое колдовство, называют *илиситсут* (ед. ч. *илиситсок*). Вообще, колдовство практикуют не только люди, но и сверхъестественные существа.

При колдовстве обычно произносят какие-то слова, но неясно, необходимы ли они в каждом случае и достаточно ли одних только слов. Обычно необходимыми принадлежностями колдовства считаются: 1) части человеческих тел или вещи, каким-то образом связанные с мертвецами; 2) черви и насекомые как существа загадочные и выходящие из земли – общей могилы всего, что живет и дышит; 3) части зверей, добытых тем человеком, которому хотят причинить зло (считалось, что если положить небольшой кружок шкуры такого животного в могилу, то охотника, добывшего его, навсегда покинет удача). В любом случае, искусство колдовства передается от человека к человеку, но и учат ему, и занимаются им всегда втайне.

3. О том, каким образом человек может заручиться сверхъестественной помощью, чтобы отвратить зло и получить пользу

Сверхъестественным источником помощи человеку мы можем считать торнарсюка, обратиться к которому можно при посредничестве ангакока. Целью обращения, как правило, является противодействие колдовству и оказание положительного влияния на «хозяев» природных сил, – отчасти это уход от опасности (в частности, опасности перепугаться до смерти), а отчасти стремление получить некую выгоду. Средства достижения этой цели можно разделить на общерелигиозные (к ним может прибегнуть любой человек для достижения определенной цели или в определенном случае) и некие особые свойства, которыми обладают лишь некоторые индивидуумы.

Общерелигиозные средства

Эти средства, в свою очередь, можно подразделить на три категории: произносимые слова – молитва или заклинание духов; обладание некими материальными объектами – амулетами – и их применение; выполнение определенных правил, имеющих отношение к образу жизни, жертвоприношениям и т. п.

В *молитве*, насколько нам известно, обозначается только желаемая цель, но не упоминается прямо тот, кто должен помочь ее достигнуть; напротив, *заклинание* духов заключается в обращении за помощью к определенному владыке силы. Магические заклинания обычно поются на определенный мотив; в них просят о здоровье, охотничьей удаче, помощи против врагов или опасности – в общем, обо всем, о чем пристало просить. Заклинание обладает силой само по себе, независимо от человека, который его произносит, – а потому может служить

объектом торга или обмена и часто передается в семье из поколения в поколение. Точно так же заклинание обычно обращено к душам предков.

Амулеты представляли собой небольшие предметы; амулет мог принадлежать определенному человеку (тогда его следовало носить всегда при себе, на теле, или вделать в оружие) или предназначаться специально для некоего особого случая. Эффективность амулета зависела в первую очередь от природы объекта или материала, из которого он был изготовлен. Обычно амулеты получали в раннем детстве от родителей.

Неясно, как классифицировать умение изготавливать искусственных животных, которых обычно посылали отомстить врагам. Имеются описания медведей и оленей такого рода, но чаще всего встречается вера в *тупилаков* – зверей, составленных из костей разных животных и способных принимать облик любого из них. Тупилака, в отличие от амулета, делает сам владелец при помощи заклинания. Можно подумать, что это результат колдовства, но гренландцы считают такое мщение справедливым.

Правила, имеющие отношение к образу жизни, предписывают в основном пост и воздержание, но иногда относятся и к одежде или ежедневным занятиям. Они предписывают, скажем, как нужно оплакивать покойника или вести себя в случае болезни, чем кормить беременную женщину и как назвать новорожденного.

Жертвоприношения у эскимосов были не в обычае. Лишь иногда принято было приносить дары «хозяину» определенной скалы, мыса или озера; иногда также им выказывали другие знаки уважения – например, не смеялись в определенном месте, не указывали на него пальцем и т. п.

4. Ангакунек, или магическое искусство

Ангакоками могли быть и мужчины и женщины; по всей видимости, эта профессия имеет два или даже больше уровня. При этом высший из них, который встречается у старых авторов под названием *ангакок пулик*, современным гренландцам, похоже, неизвестен. В большинстве случаев подготовка к посвящению в ангакоки начинается с младенчества – ангакок сажает малыша на колени во время заклинания духов и таким образом прививает ему особые свойства. После этого необходимо было самостоятельное «обращение»; заключалось оно в том, что ученик строго постился, а затем вызывал в некоем пустынном месте торнарсюка. Душа его при этом обретала частичную независимость от тела и внешнего мира; в конце концов торнарсюк появлялся и давал просителю торнака – помощника, или духа-хранителя, которого тот определенным способом мог в любой момент призвать на помощь. В момент этого откровения ученик ангакока лишался чувств; считалось, что с возвращением сознания он и сам как бы возвращался к людям.

По возвращении к людям ученик, прежде чем стать признанным ангакоком, должен был вызвать своего торнака и тем самым продемонстрировать обретенную мощь. Ясновидящие узнавали ангакоков, как и колдунов, по огненному дыханию, но, в отличие от последних, их руки не были черными. Если ученику, прошедшему посвящение, за десять попыток так и не удавалось вызвать торнака, он должен был отказаться от мысли стать ангакоком, но оставался *канни*, или особо одаренным человеком.

У большинства ангакоков было по несколько торнаков; торнаком можно было сделать почти любого «хозяина», а также дух кивигтока, мертвеца или животного. Торнак мог быть советчиком, помощником или мстителем и разрушителем.

Вероятное происхождение и история

Если предположить, что физические условия и климат эскимосских земель не менялись существенно со времени их заселения, очевидно, что обитатели этих земель должны были прийти из южных, более благоприятных регионов; придя в полярные области, они приспособились к ним и приняли образ жизни, который и характеризует их всех как эскимосов. Учитывая, насколько един этот образ жизни даже теперь, через тысячу или больше лет после переселения – и это несмотря на громадные территории и изоляцию, – кажется вероятным, что, во-первых, в период адаптации и развития эскимосы жили гораздо компактнее и, во-вторых, культура эскимосов в тот период развивалась очень активно и гораздо быстрее, чем позже, в период изоляции, когда их образ жизни практически не менялся. Переходя к следующему вопросу – где именно происходило превращение южных племен в жителей полярного побережья, – можно заметить: по многим причинам кажется очевидным, что это не были прибрежные племена, мигрировавшие вдоль побережья на север. Напротив, они пришли к полярному морю из внутренних земель по берегам рек – и только потом стали береговым народом. При этом они резко обособились от внутренних племен, но сохранили единство, необходимое для обороны от них. Если предположить, что основная часть древнего фольклора возникла примерно в тот период, то сюжеты древних легенд могут помочь нам в поисках места, где, скорее всего, эскимосы впервые осели на побережье. Достаточно вспомнить легенды, где говорится:

1. Об экспедиции к инландерам за металлическими ножами.
2. О человеке, родителями которого были инлантер и уроженка побережья (или наоборот), и о его деяниях среди того и другого народа.
3. О братьях, поехавших навестить сестру, которая вышла замуж за человека из племени людоедов.
4. О нападении на береговых людей, при котором спаслись только двое детей; позже они бродили по всему побережью и совершали великие дела.
5. О женщине, которая жила попеременно то среди прибрежных жителей, то среди инландеров и все время ссорила их между собой.
6. О женщинах, которые по разным причинам уходили от своих и жили среди инландеров.
7. О человеке, который приручил диких животных, чтобы пересечь замерзшее море.
8. О путешествиях на Акилинек.

Сравнивая эти сюжеты с современными географическими условиями, мы обнаружим, что во всех случаях они указывают на Америку, а не на Азию. Вполне возможно, что сказочный Акилинек за морем – это азиатский берег Берингова пролива. Трудно предположить, что некий народ мог выйти из глубин Азии, осесть на ее полярном побережье, превратившись одновременно в эскимосов, а затем почти полностью переселиться в Америку.

По обычаям, религии и языку эскимосов тоже можно соотнести скорее с племенами американских индейцев, нежели с азиатскими народами.

Тем не менее следует признать, что происхождение народа эскимосов остается неясным; возможно, между древними нациями двух континентов когда-то существовала связь, и они активно влияли друг на друга.

Часть вторая

Сказки и легенды эскимосов

Введение

Рассказывать сказки и легенды – одно из любимых и главных развлечений гренландцев; эти истории весьма поучительны и одновременно помогают понять происхождение обычаев и традиций народа.

Следует заметить, что сами эскимосы делят свои легенды на два вида – древние сказания и относительно недавние легенды. Сказания можно в большей или меньшей степени считать достоянием всего народа или по крайней мере большинства эскимосских племен; легенды ограничены местом действия или даже связаны с членами одного рода (и тогда представляют собой что-то вроде семейной летописи). Эскимосы больше, чем какой бы то ни было другой народ, разбросаны по огромной территории, где одновременно с ними не живет никто, и поэтому они в минимальной степени подвержены влиянию извне. Если бы обитателям крайнего запада эскимосских земель захотелось добраться до соплеменников, живущих на крайнем востоке, им пришлось бы преодолеть при помощи местных средств передвижения около 8 тысяч километров. При этом в пути им встретились бы только редкие поселения эскимосских же племен, обычно насчитывающие не больше ста душ. Эти крошечные селения разделяют между собой десять – двадцать – да нет, даже сотни миль. Хотя когда-то все эскимосские племена, по всей видимости, вели свое начало от общего предка, в настоящее время² они очень мало общаются между собой. Можно без всякого преувеличения утверждать, что обитатели Гренландии и Лабрадора не общались со своими соплеменниками с берегов Берингова пролива больше тысячи лет; часто племена даже не подозревали о существовании друг друга.

Изучение легенд и преданий с учетом изоляции племен может дать представление о том, насколько большой промежуток времени разделяет появление двух видов эскимосских легенд. Большая часть древних преданий, вероятно, относится ко времени, отстоящему от нас гораздо больше чем на тысячу лет; с другой стороны, современные легенды не уходят в прошлое и на двести лет и по большей части имеют отношение к истории родов, живущих непосредственно там, где они рассказываются. Можно смело предположить, что подобные легенды возникали в любой момент времени, но затем постепенно забывались, уступая место другим, – и так без конца. При этом древние предания сохранились практически неизменными – как некое драгоценное наследие, тронуть которое было бы святотатством. Однако деление легенд на два класса достаточно условно – в нем есть исключения; кроме того, оно не исчерпывает всего их разнообразия. В данной коллекции есть истории, родившиеся, без сомнения, в промежутке между двумя описанными периодами; при составлении полного каталога такие истории следовало бы рассматривать как отдельный промежуточный класс; многие другие истории вообще неясно, как классифицировать.

Легенды и предания в Гренландии рассказывают обычно особо одаренные в этом отношении люди; среди примерно сотни душ в каждом селении найдется несколько умелых рассказчиков и один-два особенно любимых. Обычай требует, чтобы древние легенды пересказывались как можно ближе к оригинальному варианту, и искусство рассказчика заключается в умении расцветить знакомые слова интонациями и жестами. Любое отклонение от текста

² Читателю следует помнить, что это было написано в 1875 г. (*Здесь и далее примечание автора, кроме особо оговоренных слов.*)

будет сразу же замечено и исправлено, если среди аудитории найдется хотя бы один знающий человек. Только таким образом древние сюжеты могли сохраняться так долго практически в неизменном виде.

Традиционные легенды – или, скорее, традиционные элементы древних и современных легенд – никогда не смогли бы противостоять давлению времени и изоляции, если бы не были самым важным средством сохранения национальной идентичности. Как правило, всевозможные мифы и предания рассматриваются исключительно как вспомогательный материал в поиске исторических фактов. Но в отношении культуры гренландских эскимосов до обращения в христианство³ можно сказать, что именно фольклор вмещает в себя все интеллектуальное и моральное богатство нации – то есть религию, науку и поэзию одновременно.

В первую очередь, легенды следует рассматривать как религиозную и нравственную систему, а также как систему законов и правил общественной жизни. Эскимосы усваивают их с раннего детства одновременно с усвоением родного языка. Если современный гренландец не уверен в каком-то вопросе, касающемся суеверий и обычаев своих предков, он в первую очередь попытается найти пример в известных с детства сказках, древних и современных.

Тем не менее в древних легендах не содержится никакой прямой информации о происхождении и истории народа эскимосов. Современные племена вообще не имеют понятия об общем первоначальном доме и о тех странствиях и миграциях, которые за этим последовали. Только самые свежие легенды содержат реальные исторические факты, и то лишь в виде семейной истории и всего за сто – двести лет. События промежуточного периода – даже такие значительные, как первые встречи с европейцами или страшная эпидемия оспы (1733—1734), – вообще не нашли в них отражения.

Если же мы хотим все же сделать на основании изучения легенд некоторые исторические выводы, необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, нередко происходит так, что серия сходных событий, имевших место на протяжении ограниченного периода времени, превращается в легендах в одно событие; так, от длительного периода сосуществования эскимосов и европейских поселенцев сохранились всего один-два сюжета (вероятно, слушатели предпочитали их остальным и воспринимали с большим удовольствием).

Во-вторых, следует помнить, что ни одна сказка не может существовать долго, если она не увлекает аудиторию, перед которой ее периодически рассказывают. Кроме того, она должна быть понятна без дополнительных пояснений. Поэтому события в ней должны происходить в местах знакомых слушателям. Если в сказке фигурируют не известные ни рассказчику, ни слушателям люди или животные, то со временем они превращаются в сверхъестественные существа, которыми богатое воображение гренландцев заселило внутренние части страны.

Кроме того, в сказках неизбежны обобщения, и определенные категории героев представляют скорее какие-то общие характеристики, нежели конкретных людей. Так, старый холостяк или мужчина, не имеющий жены, всегда странен и нелеп; у жены нет другой заботы, кроме как вести хозяйство как можно экономнее; бедная вдова всегда особенно добра и милосердна; пять братьев или мужчин, про которых обычно говорят «много», олицетворяют собой надменность и жестокость, а «средний» из них, кроме того, означает зависть.

Материалы, на которых основано данное собрание, записаны отчасти самими гренландцами, отчасти европейцами (в значительной мере непосредственно автором). Сбор этих материалов представлял немалые трудности. Ведь если путешественник начинает расспрашивать местных жителей, то в ответ он слышит в основном то, что хочет услышать (в частности, то, что сам подсказывает своими вопросами). Единственный способ получить желаемое – услышать, как местные жители рассказывают сказки и легенды на своих собраниях (но объяснить им, что

³ Последний язычник умер в датской Гренландии всего за несколько лет до появления этой книги.

это единственная цель исследователей, практически невозможно). Вторая сложность заключается в том, что местные жители опасаются быть обвиненными в языческих суевериях. В результате некоторые европейцы приходят к ошибочному выводу, что никаких сказок и легенд, кроме совершенно пустяковых, у эскимосов вообще нет. Третья сложность – состояние старых рукописей, часть которых совершенно невозможно оказалось прочесть.

Полное собрание включает больше пятисот сказок и легенд; автор объединил те из них, которые представлялись ему идентичными, и таким образом уменьшил общее количество примерно до трехсот. Значительная часть из них в данном издании опущена или приведена в сокращенном виде, как представляющая лишь местный интерес.

1. Кагсагсюк

(Эта легенда составлена из девяти различных вариантов, записанных частично в разных районах Гренландии, частично на Лабрадоре; тем не менее во всех принципиальных моментах все варианты совпадают. Судя по всему, эта легенда не основана на каких бы то ни было исторических событиях, а имеет скорее воспитательную направленность и несет идею о высшей силе, которая защищает беспомощных и наказывает сильных за беспощадность и жестокость.)

Один бедный мальчик-сирота жил у жестоких людей. Звали его Кагсагсюк, а приемной матерью его была жалкая старуха. Жили несчастные в крохотной убогой каморке, примыкавшей к входному туннелю⁴ дома. Входить в главную комнату им не позволялось. Кагсагсюк же не отваживался входить даже в каморку. Он подолгу лежал в туннеле и пытался согреться среди собак. По утрам, когда мужчины плетками поднимали свои упряжки, нередко вместе с собаками доставалось и несчастному мальчику. Он кричал тогда, подражая собакам и будто смеясь над собой: «На-ах! На-ах!» Когда мужчины лакомились вкусным замороженным мясом, маленький Кагсагсюк часто подглядывал за ними через порог, и иногда мужчины поднимали его над порогом и переносили в комнату, но не иначе как всунув пальцы ему в ноздри; ноздри мальчика соответственно увеличивались, но сам он совсем не рос. Иногда несчастному давали мороженое мясо и не давали ножа, чтобы разрезать его, говорили, что вместо ножа сгодятся и зубы; а иногда ругали его за то, что он слишком много ест, и выдергивали пару зубов. Бедная приемная мать раздобыла для Кагсагсюка башмаки и маленький гарпун, чтобы он мог выходить из дома и играть с другими детьми; но они валили его на землю и катали, и набивали снегом одежду, и всячески жестоко обижали его: девочки иногда вымазывали его с ног до головы грязью. Так малыша всегда мучили и насмехались над ним, и он совсем не вырос, одни только ноздри. Он подолгу бродил один в горах, выбирая безлюдные места и размышляя о том, как бы набраться силы.

Наконец приемная мать научила его. Однажды, встав между двумя высокими горами, он позвал изо всех сил: «Хозяин силы, выйди! Хозяин силы, приди ко мне!» Тут же появился большой зверь-амарок (ныне это мифическое животное, первоначально – волк). Кагсагсюк очень испугался и чуть было не пустился наутек; но зверь быстро догнал его, обхватил хвостом вокруг туловища и швырнул на землю. Совершенно не в состоянии подняться, мальчик услышал какой-то хрустящий звук и увидел: из его тела, как маленькие игрушки, во множестве посыпались тюленьи косточки. Тогда амарок сказал: «Из-за этих костей ты и перестал расти». Он снова обхватил мальчика хвостом, и они снова упали, но косточек на этот раз высыпалось меньше; а когда зверь швырнул его на землю в третий раз, выпали последние косточки. На четвертый раз мальчик не совсем упал, а на пятый совсем не упал, а поскакал по земле. Тогда амарок сказал: «Если ты правда хочешь стать сильным и выносливым, то можешь приходить ко мне каждый день». На пути домой Кагсагсюк чувствовал себя намного легче и мог даже бежать; одновременно он пинал ногами и отбрасывал со своего пути камни. Девочки, нянчившие младенцев, встретили его недалеко от дома и закричали: «Кагсагсюк идет – давайте забросаем его грязью», а мальчики принялись бить и мучить его, как раньше; но он не стал противиться, а по старой привычке улегся спать с собаками. После этого он стал каждый день встречаться с амароком, и тот каждый раз проделывал с ним то же самое. Каждый день мальчик чувствовал, как у него прибавляется сил; на пути домой он теперь отбрасывал ударами ноги целые скалы и, катаясь по земле, заставлял разлетаться камни. Наконец в один из дней зверь не смог

⁴ Длинный и очень узкий, иногда наполовину подземный туннель, ведущий в главную или, скорее, единственную комнату зимнего жилища и служащий для изоляции его от холодного воздуха снаружи.

опрокинуть его, и тогда он сказал: «Так, этого достаточно; никто из людей теперь не сможет взять над тобой верх. Но ты лучше продолжай вести себя как прежде. Когда придет зима и море замерзнет, настанет тебе время показать себя; тогда появятся три огромных медведя, и будут они убиты твоей рукой». В тот день Кагсагсюк всю дорогу домой бежал, по обыкновению разбрасывая ногами камни направо и налево. Но дома он продолжал вести себя как обычно, и люди мучили его даже больше, чем прежде.

Однажды осенью каякеры вернулись с моря с большим деревом на буксире. Дерево оказалось слишком тяжелым, и они не смогли сразу отнести его домой. Вместо этого они привязали ствол к большим камням на берегу. На закате Кагсагсюк сказал матери: «Дай мне твои башмаки, мать, чтобы я тоже мог сойти к морю и взглянуть на то большое дерево». Когда все отправились спать, он выскользнул из дома; он спустился к воде, освободил дерево от веревок, взвалил на плечи и отнес за дом, где закопал его глубоко в землю. Утром, когда вышли первые из мужчин, он крикнул: «Дерево исчезло!» Все выбежали на берег и увидели, что веревки перерезаны; никто не понял, как дерево могло уплыть прочь, ведь не было ни ветра, ни течения. Но одна старуха, которая случайно зашла за дом, воскликнула: «Посмотрите только! Вот сук торчит!» Все бросились туда с ужасным шумом и криками: «Кто мог это сделать? Должно быть, среди нас есть настоящий силач!» Все молодые мужчины напустили на себя важный вид, чтобы про каждого могли подумать, что он-то и есть неизвестный силач, – вот плуты!

В начале зимы соседи Кагсагсюка по дому обращались с ним даже хуже, чем прежде, но он вел себя по-старому и не давал им ничего заподозрить. Наконец море окончательно замерзло, и охотиться на тюленей стало невозможно. Но однажды, когда дни уже начали понемногу удлиняться, прибежали мужчины с известием, что видели трех медведей, которые взбирались на айсберг. Никто, однако, не отважился выйти и напасть на них. Вот и настало время Кагсагсюку показать себя. «Мать, – сказал он, – позволь мне взять твои башмаки, чтобы я тоже мог выйти и посмотреть на медведей!» Ей это не слишком понравилось, но все же она бросила ему свои башмаки и насмешливо сказала: «За это ты добудь мне одну шкуру на лежанку, а другую на одеяло». Он взял ее башмаки, натянул свои лохмотья и побежал к медведям. Те, кто стоял снаружи, воскликнули: «Полюбуйтесь, это ведь Кагсагсюк! Что это он собирается делать? Надо прогнать его пинками!» – а девочки подхватили: «Должно быть, он сошел с ума!» Но Кагсагсюк пронесся прямо сквозь толпу, как если бы люди были стайкой мальков; его пятки мелькали так высоко, что, казалось, едва не доставали до шеи, а снег поднимался вокруг пенным облаком и сверкал всеми цветами радуги. Он поднялся на айсберг, помогая себе руками; самый большой из медведей поднял лапу, но Кагсагсюк обернулся вокруг себя, чтобы сделаться жестким (т. е. магически неуязвимым), схватил зверя за передние лапы и ударил об айсберг так, что у того задние лапы оторвались от тела; он швырнул тушу на лед перед зрителями и крикнул: «Это моя первая добыча! Обдирайте⁵ и делите!» Остальные подумали, что следующий медведь наверняка убьет Кагсагсюка. Однако и с этим медведем повторилось то же самое, и охотник опять швырнул зверя на лед; но третьего медведя он просто схватил за передние лапы и, крутанув над головой, ударил им зевак и крикнул: «Этот парень плохо обращался со мной!», махнул им снова в толпу и крикнул: «А этот – еще хуже!» – пока все не разбежались перед ним и не скрылись в доме в страшном испуге. Войдя в дом, Кагсагсюк с двумя медвежьими шкурами направился к своей приемной матери и воскликнул: «Вот тебе шкуры, мать, одна на лежанку, другая на одеяло!» После этого он приказал разделать медведей и приготовить мясо. Затем Кагсагсюка попросили войти в главную комнату жилища; в ответ на эту просьбу он, как прежде, только заглянул через порог и сказал: «Я не могу перешагнуть порог, если только кто-нибудь не поднимет меня за ноздри»; но, поскольку никто больше не отваживался сделать это, его старая приемная мать подошла и подняла его, как он просил. Все

⁵ То есть сдирайте шкуру и жир.

мужчины теперь были очень почтительны с ним. Один говорил ему: «Проходи вперед», другой подхватывал: «Проходи и садись, приятель». – «Нет, не там, где лавка ничем не прикрыта, – восклицал еще кто-то, – вот чудесное местечко для Кагсагсюка». Но он отверг все предложения и присел, как обычно, на боковой лежанке⁶. Кто-то продолжал: «У нас найдутся башмаки для Кагсагсюка», а еще кто-то восклицал: «Вот штаны для него!» – а девушки спорили одна с другой, предлагая сшить для него одежду. После ужина кто-то из обитателей дома велел одной из девушек пойти принести воды для «дорогого Кагсагсюка». Когда она вернулась с водой и он напился, он притянул ее нежно к себе и похвалил за догадливость и за воду; но после этого он вдруг стиснул ее с такой силой, что кровь хлынула у нее изо рта. Но он только заметил: «Смотрите, она, кажется, лопнула!» Ее родители, однако, ответили с полным смирением: «Не беда, она годилась только воду носить». Позже, когда вошли мальчики, он подозвал их и сказал: «Из вас получатся великие охотники на тюленей!» – а сам схватил их и раздавил насмерть; другим он поотрывал руки и ноги и так убил их. Но родители каждого только говорили: «Это не имеет значения – он ни на что не годился; только и делал, что играл». Так Кагсагсюк продолжал умерщвлять обитателей дома одного за другим и не остановился, пока все они не погибли от его руки. Он пощадил только бедных людей, которые были добры к нему, и стал жить с ними; ели они то, что было запасено в селении на зиму. Он также взял лучший из оставшихся каяков и научился обращаться с ним, держась первое время недалеко от берега; вскоре, однако, он осмелел, стал выходить дальше в море и через некоторое время уже ходил на своем каяке и на север, и на юг. В гордости своей он путешествовал по всей земле и показывал всем свою силу; даже сейчас его знают по всему побережью. Во многих местах до сих пор видны следы его великих дел, и поэтому историю Кагсагсюка все считают истинной.

Примечание. На Лабрадоре героя этой сказки зовут Кауйакюк, а в разных гренландских вариантах – Каусаксюк, Кассаксюк, Каусасюк и Кауксаксюк. В нескольких местах Гренландии местные жители с гордостью укажут вам на развалины его дома. Примечательные руины на мысе Нугсуак, весьма сомнительного происхождения, считаются остатками его медвежьей западни. В одной из записей рассказчик, намекая на любовь европейцев ко всяким диковинкам, замечает: «Непонятно, почему господа (а то и сам король), которые так любят собирать всякие редкости, если они действительно верят в истинность этой истории, не прикажут при-
везти себе на корабле один из камней этой ловушки – если, конечно, получится».

⁶ Главная лавка, или лежанка – широкая низкая скамья вдоль всей стены напротив окон; на ней сидели и спали. Вдоль остальных стен были устроены более узкие боковые и оконные лавки.

2. Прозревший слепец

(Текст этой сказки составлен из восьми вариантов, из которых два получены с Лабрадора, а остальные из различных частей Гренландии. Три из этих вариантов были записаны до 1828 г. Как и предыдущая, эта сказка, по-видимому, не имеет исторических корней, а несет в себе только моральный и мифологический смысл.)

У одной вдовы были сын и дочь. Когда сын вырос, он стал помогать во всем и начал также охотиться на тюленей. Однажды в начале зимы он добыл *лахтака*⁷. Когда он принес добычу в дом, мать хотела сделать из шкуры ляхтака одеяло на лавку, но он не позволил и сделал из нее охотничьи ремни⁸. Мать рассердилась; обрабатывая шкуру и соскребая с нее волосы, она заколдовала ее. Она говорила шкуре так: «Когда он будет резать тебя на ремни, когда он разрежет тебя, ты отскочишь и ударишь его по лицу» – и радовалась при мысли о том, что ремень ударит сына. Когда она закончила, он вырезал первый ремень, натянул и с силой растянул его. Но мать, когда скребла шкуру раковинной, в одном месте немного повредила ее; ремень порвался и, ударив сына по обоим глазам, ослепил его.

Впереди была зима; оставшись без главного источника пищи, они вынуждены были питаться одними мидиями. Слепой юноша теперь все время сидел на лавке, так как не мог больше выходить на охоту. Так прошла первая половина зимы. Затем появился огромный медведь. Сначала он выел кожаное окно⁹ в доме, а затем просунул голову прямо в комнату. Мать и сестра в ужасе убежали и забились на лежанке в самый дальний уголок; но слепец сказал сестре: «Пожалуйста, принеси мой лук». Когда она принесла лук, он натянул его и попросил сестру прицелиться за него. Она направила стрелу на зверя и подала брату сигнал; он выстрелил, и стрела повалила медведя. Мать сказала: «Ты попал в окно, а не в зверя», но сестра шепнула ему: «Ты убил медведя». Теперь еды должно было хватить надолго; но мать совсем не давала сыну вареной медвежатины. Она продолжала кормить его одними ракушками и не давала даже попробовать собственной добычи; наоборот, она хотела уморить его голодом и скрывала, что у нее есть мясо. Однако, когда матери не было дома, сестра кормила его, и он спешил проглотить свою порцию побыстрее, пока мать не вернулась.

Так прошла большая часть зимы. Наконец дни стали длиннее, и однажды весной сестра сказала: «Помнишь то прекрасное время, когда у тебя еще было зрение и ты мог ходить на охоту; помнишь, как мы любили бродить повсюду?» Брат ответил: «Конечно; давай снова пойдем бродить. Я могу держаться за тебя». И на следующее утро, на рассвете, они вышли из дома вместе; он держался за ее одежду. Целыми днями теперь брат и сестра бродили вокруг, пока девушка собирала ветви кустарников на дрова. Однажды они пришли на большую равнину у озера, и брат сказал: «Пожалуй, я полежу немного, пока ты наберешь еще дров». Сестра ушла и оставила его. Отдыхая так, он услышал, как над ним пролетают дикие гуси; когда они летели прямо над его головой, он услышал, как один из гусей крикнул остальным: «Посмотрите на бедного юношу там внизу; он слеп; хотел бы я помочь ему прозреть». Когда птицы подлетели ближе, юноша не пошевелился; он продолжал неподвижно лежать на спине лицом кверху. В этот момент он почувствовал, как на его глаза упало что-то теплое. Это один из диких гусей уронил ему на глаза свой помет. Юноша услышал голос: «Не открывай глаз, пока шум наших

⁷ Ляхтак (*эским.*) – очень крупный бородатый тюлень. Его называют также «ременным тюленем», так как эскимосы режут из его шкуры ремни.

⁸ Ремни, которые одним концом прикрепляются к гарпуну, а вторым к охотничьему пузырю – надутой цельной шкуре тюленя. Пузырь не дает загарпуненному тюленю уйти.

⁹ В настоящее время в большинстве эскимосских хижин датской Гренландии окна стеклянные; но в целом в земле эскимосов роль стекла в окне выполняют полупрозрачные внутренности некоторых животных.

крыльев не стихнет вдали, тогда можешь попробовать открыть их». И снова он лежал неподвижно, а дикий гусь, водя крыльями по его лицу, повторял: «Смотри не открывай глаз». Звук крыльев начал стихать вдали, и юноша начал видеть свет сквозь веки; но только когда шум окончательно затих, он широко открыл глаза и понял, что зрение вернулось к нему. Тогда он громко воскликнул: «Наягта!» (так он звал свою сестру). Но она вернулась только к вечеру. Видно было, как она, унылая и подавленная, бредет по тундре, спрятав подбородок в меховой воротник, и одна рука ее проглядывает через дырку рваного рукава. Увидев сестру, юноша снова крикнул: «Наягта, теперь ты не будешь нуждаться ни в еде, ни в чем другом; я дам тебе новую одежду, ведь я снова вижу». Но она только отмахнулась и не поверила ему, пока не заглянула в его широко раскрытые глаза и не увидела, какие они снова стали живые и здоровые. Молодые люди договорились не рассказывать матери, что произошло. Они спустились с холмов и направились к дому. Подходя, юноша увидел свою медвежью шкуру, разложенную для просушки; перед входом лежала груда медвежьих костей, а входя в главную комнату, он заметил медвежьи лапы. Он крепко закрыл глаза, занял свое обычное место на лавке и сделал вид, что крепко спал. Будто бы неожиданно проснувшись, он сказал: «Во сне я видел медвежью шкуру, растянутую позади дома», но старуха ответила только: «Должно быть, ты много думал о человеке, который когда-то обидел тебя». Сын снова сделал вид, что спит, а проснувшись, сказал: «Кажется, я видел еще много медвежьих костей у входа». Старуха повторила свой прежний ответ; но в третий раз, когда сын, вроде бы проснувшись, сказал: «Во сне я видел здесь, под лавкой, две медвежьи лапы», а старуха снова повторила то же самое, он вдруг открыл глаза и сказал: «Мать, я имел в виду вот эти лапы». Тогда она поняла, что к нему вернулось зрение, и воскликнула: «Съешь их, съешь их, пожалуйста!» После этого он стал жить как прежде и вновь начал охотиться на тюленей; но через некоторое время у него возникла мысль отомстить своей отвратительной старухе матери. Скоро должен был наступить сезон, когда у окованного льдом берега начинают появляться белухи; охотился он на них следующим образом: выходил на лед с сестрой и, обвязав охотничий ремень вокруг ее пояса, бросал гарпун, прикрепленный к ремню, в дельфина. Таким образом, сестра служила ему вместо охотничьего пузыря. После этого они вместе принимались тянуть, пока не вытаскивали зверя на лед, где потом и убивали его.

Однажды, вернувшись домой, юноша спросил сестру: «Любишь ли ты нашу старую мать?» Она не ответила; но когда он повторил вопрос, сказала лишь: «Я больше привязана к тебе, чем к ней; ты единственный, кого я действительно люблю». – «Ну тогда завтра она будет служить нам вместо пузыря. Я отплачу ей за то, что она ослепила меня». Они сговорились; вернувшись в дом, где мать была занята починкой башмаков, он сказал ей: «Ужас, как мы устали сегодня, пока вытаскивали добычу! Пусть завтра сестра моя отдохнет; а пока ты могла бы послужить мне вместо охотничьего пузыря. Ты ведь, наверное, сможешь устоять, когда белуха потянет ремень». Мать согласилась, и на следующее утро все они спустились к открытому морю. Но когда появились белухи и он собирался уже загарпунить одну, она сказала: «Выбери одну из самых маленьких, а не крупную» – и, заметив, что к берегу подплывает несколько очень мелких белух, воскликнула: «Смотри, попытайся взять одну из этих!», но он ответил: «Они тоже слишком крупные». В это мгновение, однако, на поверхность поднялась одна из самых крупных белух; он загарпунил ее и одновременно выпустил из рук ремень; а когда белуха подтащила мать к самой воде, воскликнул: «Помнишь ли время, когда ты ослепила меня?» Она изо всех сил старалась удержаться, но он подтолкнул ее ближе к воде и сказал: «Эта белуха поможет мне отомстить». Оказавшись у воды на самом краю, она воскликнула: «Мой улло! (женский нож)! Это же я нянчила тебя!» С этими словами она упала в воду и вскоре скрылась под ней. Но она все же появилась еще раз на поверхности, крича: «Улло, мой улло! Я нянчила тебя!», но после этого исчезла навсегда. Говорят, позже она превратилась в рыбу, а ее распущенные волосы обернулись длинным твердым зубом; от нее-то, говорят, и произошли нарвалы. Белухи уплыли, а брат с сестрой вернулись в дом и принялись сокрушаться о том,

что лишились матери; совесть мучила их – ведь она нянчила их и заботилась о них в детстве. Теперь они пришли в ужас от своего поступка и не смели оставаться в своем маленьком доме. Они бежали на восток, далеко на большой материк, и бродили там далеко от моря. Поначалу юноша совсем не хотел убивать птиц, жалея их, так как именно птицы вернули ему зрение. В конце концов, однако, он убил лебедя, потому что сестра захотела его, и говорят, что это была единственная птица, которую он добыл за оставшуюся жизнь. Они выстроили себе дом в глубине суши; дожили до глубокой старости и никогда не имели друзей. Наконец они захотели показаться людям, и он решил направиться к какому-нибудь месту, где был ангакок (языческий священник). Через некоторое время он нашел таких людей и решил дождаться времени, когда ангакок будет заклинать духов. Тогда он направился к дому; но стоило ему приблизиться, как ангакок начал жаловаться, а затем воскликнул: «Я выпущу на тебя духа; большой огонь уже совсем рядом!» (т. е. *ингнерсуак* – сверхъестественное существо, обыкновенно приобретающее вид огня или яркого света). Тогда юноша, стоящий снаружи, спросил: «Неужели ты не знаешь меня? Слышал ли ты о человеке, который использовал свою мать вместо охотничьего пузыря?» – и, когда никто не ответил ему, повторил свой вопрос. Тогда отозвалась одна старуха: «Помню, я слышала в детстве, что много-много лет назад жили брат и сестра, которые привязали свою бедную мать, как пузырь, к белухе». Тогда пришедший сказал: «Я и есть тот самый юноша. Я пришел повиниться: выйдите и посмотрите, на кого я похож». Ангакок вышел вместе со своими людьми, и они увидели этого человека. Он стоял выпрямившись возле лодки в ярком лунном свете. Волосы на его голове были белоснежными, как если бы он покрыл голову капюшоном из белых заячьих шкурок; но лицо его было черно, а одежда сшита из шкур северных оленей. Он рассказал, что сестра его не может уже двигаться от старости, что хижина их стоит далеко от берега в глубине тундры и что вместе с ними в доме живут ужасные существа с головами подобными тюленьим. В конце он добавил: «Теперь я больше не буду показываться человеческим существам; я повинился перед теми, перед кем хотел». Сказав так, он повернулся и ушел, и больше его никогда не видели.

Примечание. В Гренландии сына называли именем Титигак; на Лабрадоре – Кемонгак. В лабрадорском варианте сказки птицы заставляли его нырять в озеро; по гренландским записям, мать вместо «я нянчила тебя» кричала «я выносила за тобой мочу».

3. Игимарасугсюк

(Эту несколько наивную, но все же любопытную сказку хорошо знает каждый ребенок в Гренландии; один из вариантов привезен с Лабрадора и, несомненно, является иным прочтением того же оригинала, хотя и значительно измененным и переработанным.)

Говорили об Игимарасугсюке, что он всегда очень скоро терял своих жен и всегда столь же скоро женился вновь; но никто не знал, что он убивал и съедал жен, а с ними и своих маленьких детей. Наконец он женился на девушке, у которой был младший брат и много другой родни. Вернувшись однажды в дом после оленьей охоты, он сказал своему шурина: «Прошу тебя, пойди и принеси мой топор; ты найдешь его под лодочным помостом» (специальным помостом, куда на зиму укладывали лодку), а сам поднялся и пошел следом за ним. Услышав истошный крик брата, жена Игимарасугсюка выглянула из дома и увидела, как муж догнал мальчика и ударил его по голове; тот упал замертво. После этого Игимарасугсюк приказал жене разделать и сварить кое-какие части тела ее брата. Сам он начал есть; жене он тоже предложил кусок руки и настоял, чтобы она поела вместе с ним. Но она только сделала вид, что ест, и спрятала свою порцию под золой очага. Потом муж воскликнул: «Мне кажется, ты плачешь!» – «Нет, – ответила она, – я всего лишь немного смущена». Доев шурина, муж начал откармливать жену; для этого он приказал ей есть один только олений жир, а воды пить не больше, чем поместится в маленькой раковине. Наконец она так растолстела, что совсем уже не могла двигаться. Однажды он ушел и тщательно запер за собой вход в летний шатер – закрепил его прочными ремнями. Когда прошло уже порядочно времени, она взяла нож, упала с лавки и сумела докатиться до самого входа. С огромным трудом она перебралась через порог и, оказавшись у входа, разрешила ножом ремни, которыми был закреплен занавес. Затем она докатилась до грязной лужи и напилась вдосталь; после этого почувствовала себя легче, сумела подняться на ноги и вернуться обратно. Она снова вошла в шатер, набила свою куртку и положила ее на лавку спиной кверху, а затем как следует закрепила вход и ушла. Но она была уверена, что муж очень скоро кинется за ней в погоню, поэтому спустилась к огромному куску дерева, вытащенному на берег, и наложила на него заклятие. Она пела так: «Киссугсуак пингерссуак, иа-ха-ха, арапе, купе, сипе, сипе сисариа». После этого дерево раскрылось посередине; она вошла внутрь и снова запела: «Киссугсуак... арапе, маме, мамесисариа». И дерево сомкнулось вокруг нее, оставив ее в полной темноте. Через некоторое время она услышала, что пришел муж. Он вошел в шатер и, увидев набитую куртку, проткнул ее своим копьём; обнаружив, что это на самом деле такое, он выбежал наружу и побежал по следам жены прямо к бревну. Там он остановился, и она ясно услышала его слова: «О, как жаль! Напрасно я так долго ждал и не убивал ее! О бедный я, несчастный!» Затем она услышала, что он развернулся и ушел. Он несколько раз возвращался, но все следы заканчивались возле большого дерева, и в конце концов он ушел окончательно, а она опять пропела «киссугсуак...». Тут же ствол дерева раскрылся, она выбралась и побежала дальше. Затем, чтобы он не догнал и не нашел ее, она спряталась в лисьей норе. Опять все следы кончались перед норой, и муж не мог понять, куда она подевалась. Она слышала, что он даже пытался рыть землю голыми руками; но вскоре устал и ушел прочь, хотя несколько раз возвращался, как в первый раз, и так же оплакивал самого себя: «О, какой бедный, какой несчастный я человек!» и т. п. Поняв, что он ушел наконец, она вновь пустилась в путь. Все же, опасаясь мужа, она спряталась в третий раз в каких-то кустах. Вновь она слышала, как он пришел и жаловался на судьбу: «Как жаль, что я так долго ждал и не ел ее!» – и вновь ушел, и тут же вернулся со словами: «Все ее следы здесь кончаются». Она снова пустилась в путь, и теперь у нее была уже слабая надежда добраться до обитаемых мест, прежде чем он снова ее догонит. Наконец она увидела людей, собиравших в тундре ягоды; они,

увидев ее, испугались было, но она воскликнула: «Я жена Игимарасугсюка». Тогда они приблизились к ней и, взяв за руки, привели в свое жилище. Там она сказала: «Игимарасугсюк, который имеет обыкновение съедать своих жен, съел также моего брата. Он хочет схватить и меня тоже и непременно придет за мной; а поскольку он большой любитель развлечений, то вам лучше встретить его вежливо и приветливо». Вскоре появился и он; но жена его спряталась за кожаной занавеской. Остальные поднялись и вышли приветствовать его со словами: «Надеемся, что все в твоей семье здоровы». – «Да, все здоровы», – ответил он. Когда он вошел в дом, перед ним поставили еду, а после предложили бубен и сказали: «А теперь позволь нам насладиться твоим искусством». Он взял было бубен, но вскоре вернул его одному из хозяев со словами: «Скорее вам пристало развлекать меня». Тогда тот, второй, взял бубен и запел: «Игимарасугсюк – жестокий человек – он ел своих жен...» При этих словах Игимарасугсюк покраснел лицом, и даже горло у него покраснело; но когда певец спел: «И он заставил ее есть руку собственного брата», жена его вышла вперед и сказала: «Нет, на самом деле я не ела; я спрятала свою долю под золой в очаге». Тогда люди схватили его, и жена его сказала: «Помнишь ли ты, как протыкал копьем мою набитую куртку?» – и убила его копьем.

4. Кумагдлат и Азалок

(Эта история также хорошо известна по всей Гренландии; она составлена из пяти вариантов, записанных в разных частях страны. В отличие от предыдущих в ней ясно видны исторические корни. По всей видимости, в ее сюжете отразились реальные события, происходившие в те времена, когда первобытные эскимосы жили на побережье Американского континента; рассказ об этих событиях, прежде чем дойти до нас, повторялся рассказчиками бесчисленное число раз. В сказке говорится о первых признаках культуры, о попытках изготовить орудия или оружие из морских раковин, камней и металла, о конфликтах и встречах эскимосов с индейцами; примерно то же самое происходило в сравнительно недавние времена на берегах рек Маккензи и Коппермайн.)

Три двоюродных брата – а звали их Кумагдлат, Азалок и Мерак – очень любили друг друга. Кумагдлат жил в собственном доме и владел собственной лодкой – умиак¹⁰. У двух других дом и лодка были общие; но все они помогали друг другу в любое время и забавлялись тем, что упражнялись и демонстрировали всем свою силу. Они вместе выходили в море на каяках, всегда вели себя дружелюбно и по-товарищески и в целом были очень привязаны друг к другу. У Кумагдлата в доме жила одна старая карга, которая всегда была очень раздражительна; и однажды он сказал ей: «Я не допущу, чтобы в моем доме жили сварливые старухи, и будь уверена, однажды я непременно убью тебя». После этого старая ведьма вела себя тихо и мирно, пока однажды не воскликнула: «Могу сказать тебе, что не без причины я так тиха и покорна; с самого первого дня, как ты начал содержать и кормить меня, я очень жалела тебя и потому была молчалива и подавлена». – «Как это?» – спросил Кумагдлат; и она ответила: «Разве твои двоюродные братья не любят тебя великой любовью? Тем не менее они собираются положить конец твоей жизни». На самом деле она выдумала эту ложь, ведь она была такой злой и обидчивой, что не могла даже спать ночами. Но после этого Кумагдлат начал бояться своих двоюродных братьев и, хотя прежде целыми днями не разлучался с ними, теперь начал их сторониться. Однажды весной они вошли в его дом со словами: «Разве ты не выходишь сегодня в море охотиться?» Но он ответил: «Нет, я не могу; я должен просушить свой каяк», и они поверили ему и вышли в море одни. В их отсутствие он принялся выкапывать из снега шести своего шатра и как раз успел к их возвращению. На следующее утро они вновь пришли к нему с тем же вопросом, но он ответил по-прежнему: «Нет, я должен дать каяку полностью просохнуть, прежде чем выходить на нем в море». Они хотели, чтобы он отправился с ними; но он никак не соглашался на уговоры, и они вновь вышли в море одни. Как только они скрылись из вида, Кумагдлат все приготовил, чтобы откочевать с этой стоянки: спустил лодку на воду и, погрузив вещи, поспешил оттолкнуться от берега. Но, уходя, он сказал людям на берегу: «Передайте братьям, чтобы отправлялись вслед за мной как можно скорее; мы собираемся откочевать к обычным нашим зимним хранилищам». И, сказав так, отплыл.

Когда Азалок и Мерак наконец вернулись и обнаружили, что Кумагдлат оставил стоянку, они начали расспрашивать людей и слышали в ответ: «Они недавно отплыли и просили передать, что собираются идти к своим зимним хранилищам и хотят, чтобы вы как можно скорее следовали за ними». Братья сразу же решили, что так и сделают; рано утром на следующий день лодка была спущена на воду, вещи погружены, и они двинулись в путь в обычном направлении – но не нашли на всем побережье ни двоюродного брата, ни каких бы то ни было его следов. Рассказывают, что у Кумагдлата был амулет – череп тюленя и что каждый раз, когда ему нужно

¹⁰ Умиак – большая лодка из шкур, в которой летом могут путешествовать до трех семей вместе с шатрами и всем необходимым.

было идти вдоль обитаемых мест, он прикреплял амулет к носу лодки, чтобы люди в тех местах подумали, что это всего лишь пятнистый тюлень вынырнул из воды. Но в одном из селений, которое он миновал таким образом, был дурачок, у которого каждый раз, когда должно было что-то произойти, появлялось предчувствие (дело в том, что эскимосы считали слабоумных и идиотов ясновидящими). Дурачок заметил проходящую лодку и воскликнул: «Лодка! Лодка!» Однако, когда остальные вышли посмотреть на лодку, они увидели только пятнистого тюленя, который то нырял в воду, то вновь выныривал на поверхность, а потом и совсем исчез. Когда Азалок и остальные подошли к селению и услышали об этом, они сразу поняли, что Кумагдлат проходил здесь, – ведь они знали, что у него был такой амулет.

Тем временем Кумагдлат плыл день и ночь, не сходя на берег; когда женщины-гребцы уставали, они ненадолго привязывали лодку, чтобы отдохнуть, и снова продолжали путь, пока в конце концов не остановились в населенной местности и не решили поставить лагерь. Там они встретили глубокого старика, занятого изготовлением лодки. Его волосы были белы, как склоны айсберга, а рядом с ним стоял бородатый молодой человек. Через какое-то время после появления Кумагдлата старик сказал ему: «Я начал строить лодку еще до рождения этого молодого человека, а успел закончить только каркас». Справа и слева от него видны были груды раковин, которые служили ему единственными орудиями. «У нас здесь нет даже одного-единственного ножа, – пожаловался старик, – но вон там, в глубине тундры, живут люди, у которых ножей больше чем достаточно». Кумагдлат продолжал задавать вопросы, и старик рассказывал: «Дальше, в глубине тундры, находятся логовища многочисленных эркилеков, и все они чрезвычайно богаты. Однако, если кто-то из береговых людей направляется туда, он никогда не возвращается; я думаю, что их по большей части убивают». Тогда Кумагдлат сказал: «Я тоже решил пойти поискать этих людей», но старик ответил: «Боюсь, что один ты не сможешь никуда пойти, наши все сгнули, даже если уходили вместе по несколько человек. Эркилеки – редкостные существа, ни с одним из них невозможно сравниться в быстроте и силе». Но Кумагдлат вернулся в свой шатер и стал мастерить маленький лук со стрелами и колчан к нему из тюленьей шкуры; закончив, он совершенно один пустился в путь к эркилекам.

Тем временем братья Азалок и Мерак тоже долго бродили по тундре и наконец обнаружили перед собой обширную равнину, где во множестве шатров жили эркилеки. Вместо моря у них было одно только озеро. Братья спрятались; они ждали наступления ночи и наблюдали, как эркилеки возвращаются с охоты. В лучах заходящего солнца заметили они очень высокого человека с ношей на спине. Они готовы были уже пустить в него свои стрелы, как вдруг оба одновременно воскликнули: «Ну разве не похож этот человек на Кумагдлата?» Он ответил: «Да, это я и есть», и они сказали друг другу: «Ну что ж, раз мы так удачно встретились, один из ненавистных эркилеков должен пасть». Так все трое вновь встретились и узнали друг друга; Кумагдлат рассказал своим двоюродным братьям, как опорочила их перед ним старая карга. Когда совсем стемнело и стан эркилеков окончательно затих, двоюродные братья поднялись и первым делом пустились на поиски безопасного убежища для себя. Эркилеки поставили свои шатры на дальнем берегу озера, а прямо напротив этого места был маленький остров; братья решили, что это подходящее место для укрытия.

Добравшись до места, они увидели, что от берега до острова еле-еле можно добросить камень. Первым прыгать через пролив должен был Кумагдлат с мешком за плечами; он прыгнул и оказался на острове. Азалок тоже перебрался на другой берег; но Мерак воскликнул: «Я не могу, правда!» Когда же братья уговорили его все же попытаться, он тоже допрыгнул до острова, хотя и замочил при этом ноги. Там, на острове, они сложили все свои стрелы, оставив себе каждый по две, и вновь вернулись на берег; Мерак, как и в первый раз, чуть коснулся воды. Затем они направились к шатрам, где спали их обитатели. Подобравшись к самому большому шатру, Кумагдлат сказал своим спутникам: «Я запрыгну на поперечный шест над входом, а вы идите внутрь». Они вошли и заглянули за кожаный занавес в главную комнату; там они

увидели пожилую супружескую чету, которая еще не спала. Женщина была беременна; она сидела выпрямившись, а мужчина наклонился вперед и положил голову на руки. Неожиданно мужчина издал вой, подобный собачьему, и при этом звуке женщина поднялась на ноги. Он начал лизать ее живот, а она дала ему немного оленьего жира. Кумагдлат сказал: «В следующий раз, когда он начнет лизать, я прицельюсь и застрелю ее». Закончив есть, старик завыл, как в первый раз, и женщина вновь поднялась на ноги; но, как только он начал лизать ее, Кумагдлат прострелил ее насквозь. Раздался ужасающий вопль, Кумагдлат поспешил спрыгнуть на землю, и все трое кинулись в свое укрытие; из шатров во множестве высыпали эркилеки. Братья тем временем добрались до острова, точно так же как в первый раз. Оказавшись в безопасности, они сразу же легли на землю в ряд, друг за другом – первым Кумагдлат, затем Азалок и последним Мерак. Эркилеки принялись натягивать луки и пускать в них стрелы, которые носили в колчанах на спине; при этом женщины вытягивали стрелы сверху и могли стрелять гораздо чаще, чем мужчины, которые вытягивали стрелы сбоку. Двоюродные братья наблюдали за стрелками на берегу и каждый раз пригибались перед их стрелами. Вдруг они услышали, как одна стрела свистнула в воздухе, а затем слегка задела двух первых и воткнулась во что-то позади; они оглянулись и увидели, что Мерак, который неосторожно поднял голову, серьезно ранен в горло. Тогда Азалок сказал Кумагдлату: «Неужели ты не знаешь никакого заклинания, которое возвращало бы жизнь?» Тот ответил: «Кажется, знаю» – и начал чуть слышно бормотать какие-то слова. Когда он закончил, братья оглянулись и увидели, что стрела уже наполовину вышла наружу из горла Мерака; когда же Кумагдлат произнес заклинание в третий раз, Мерак был уже живым и невредимым. Эркилеки продолжали стрелять; однако, когда стрелы у них закончились, только у Кумагдлата был немного поцарапан висок. После этого двоюродные братья поднялись и начали стрелять в ответ. Они застрелили множество эркилеков и погнали остальных вдоль реки, пока не добрались до водопада, где у эркилеков было убежище; но там Кумагдлат принялся швырять в них камни и перебил их всех, когда они выходили один за другим. После этого друзья вернулись к шатрам. Остававшиеся там дети замерли в ужасе и лежали неподвижно, притворяясь мертвыми; но двоюродные братья все же переловили их и быстро убили, проткнув каждому ухо – в живых оставили только одного мальчика и одну девочку. Они осмотрели имущество эркилеков и обнаружили медные котлы с медными ручками и всевозможные вещи в избытке. Они открывали сундуки, и покровы раскрывались сами – так много в сундуках лежало одежды. Братья закрыли сундуки с одеждой, но открыли другие, где лежали ножи с красивыми рукоятками; они взяли столько, сколько смогли унести, и вновь направились к берегу. Пока братья путешествовали, те люди, у кого Кумагдлат оставил семью, часто насмехались над ними и говорили: «Смотрите-ка, те, кто ушел к эркилекам, возвращаются и несут множество прекрасных вещей, красивых ножей с чудесными рукоятками». Услышав такие слова, жена Кумагдлата всегда думала, что муж возвращается, и выбегала наружу; но люди говорили это в насмешку, они считали, что эркилеки убили его. Один мужчина, у которого не было жены, взял ее в свой дом и кормил, так как считал ее вдовой.

Как раз в то время, когда Кумагдлат действительно возвращался к морю, люди снова принялись насмехаться над его семьей и кричать все те же слова. Но в этот момент старик, строивший на берегу лодку, обернулся и увидел, что с холма на самом деле спускается Кумагдлат с огромным тюком за спиной; а когда он подошел ближе, старик увидел, что ноша его состоит из ножей с красивыми рукоятками. Кумагдлат вошел в шатер и обнаружил, что его жена и мать оплакивают его. Он сказал: «Я думал, что у вас уже погасли светильники» (т. е. вы голодаете). Они ответили: «Вон тот неженатый человек кормил нас, чтобы мы не умерли от голода». Кумагдлат ответил: «В таком случае я очень ему благодарен, пусть он войдет и выберет себе нож». Но тот мужчина не хотел входить; он хотел, чтобы нож ему принесли. На это Кумагдлат сказал: «Он сделал мне много добра; я должен быть ему так благодарен, что не могу оставить его снаружи. Он должен войти». Но тот, опасаясь какого-нибудь подвоха (т. е.

подозревая ревность с его стороны), настаивал, чтобы нож ему принесли. Кумагдлат, однако, продолжал зазывать его в дом; наконец тот человек осмелился переступить порог; дальше он проходить не стал, а сказал: «Ну хорошо, дай мне теперь нож», но Кумагдлат продолжал уговаривать его пройти в комнату. Наконец, уговорив гостя сесть, хозяин сказал: «Ты хорошо кормил этих несчастных; я очень благодарен тебе и надеюсь, что ты примешь от меня один из этих ножей». И он предложил гостю два ножа с красивыми рукоятками. Говорят, что после этого двоюродные братья вернулись в свой прежний дом и прославились силой и ловкостью; и добывали не только медведей, но и *киливфаков* (сказочные звери).

5. Акигсиак

(Эта сказка была записана в шести разных вариантах. По всей видимости, она в весьма примечательной форме повествует об отношениях между индейцами и эскимосами. В некоторой степени эта история аналогична фольклору других народов, где различные великие деяния, особенно такие, как победа над неким чудовищным и ужасным животным, приписываются одному герою. Здесь, однако, текст приведен в сокращенном виде, так как сама история не слишком интересна.)

Когда-то давно случилось так, что некие люди ушли далеко в глубину фиорда ловить лосося, а в это время инландер украл одну из женщин и увел ее далеко-далеко. Сама она была из береговых людей, но после вышла замуж за человека, который увез ее далеко от побережья; они родили сына и назвали его Акигсиак. В детстве он постоянно играл с двумя племянниками отца. Они часто дрались на кулачках и боролись, но Акигсиак очень быстро обогнал их обоих; даже в скорости не могли они с ним состязаться. Поскольку мать его была из береговых людей, а отец из внутренних земель, он был меньше ее ростом; тем не менее он вызывал у остальных людей уважение и страх и считался силачом и великим охотником. Акигсиак всегда стремился как можно чаще встречаться с береговыми людьми, чтобы узнать что-нибудь о родичах своей матери; и на одной из встреч он сказал им так:

«Когда мой отец постарел, он не мог уже кормить нас. Одна из зим принесла нам великий голод, и каждый день я уходил из дома в поисках пищи; тем временем отец мой следил за мной с вершущек самых высоких гор, примечая одновременно любые изменения погоды, и, как только небо начинало темнеть, он подавал мне сигнал, который я всегда слышал, как бы далеко ни ушел; услышав его, я поворачивал к дому. Он также дал мне несколько советов и сказал, что я могу уходить в любую сторону, но только не на север, так как те места, рассказывали, опустошал ужасный змей.

Как-то в один из дней отец подал мне сигнал; но поскольку я за весь день даже не увидел никакой добычи, я не послушался. Позже, когда я собрался наконец возвращаться домой, меня захватила буря; я почти ничего не видел из-за ветра и метели и потому потерял дорогу. Блуждая таким образом, я в конце концов набрел на что-то, что показалось мне двумя большими окнами дома; затем я увидел, что все остальное вокруг похоже на холм; а потом понял, что это тот самый ужасный змей, от которого предостерегал меня отец. Я сразу же пустился бежать. Однако он успел заметить меня и теперь погнался за мной; но стоило ему догнать меня, как я поворачивался, бросался на него и ударял копьем, а затем вновь продолжал бежать. Однако, обернувшись в очередной раз на змея, я увидел, что он совсем рядом; я громко вскрикнул от усталости и повалился на землю без чувств. Вскоре я очнулся от прохладного прикосновения к лицу и сразу же вспомнил про чудовищного змея. Я огляделся вокруг и увидел, что он лежит у самых моих ног. Не отводя от него глаз, я очень осторожно пополз прочь; он не двигался, так что я встал и пошел – но до дому добрался только через четыре дня, когда все уже решили, что я пропал. Когда я вошел в дом, отец сказал: «В нашем доме нет ничего, чем мы могли бы помочь тебе». Но я рассказал ему, что едва избежал смерти от змея и что, судя по всему, оставил его мертвым. Тогда отец сказал: «Говорят, что тело змея состоит из одного только жира, – и добавил: – А наши домашние умирают от голода». Тогда мы рассказали всем, что произошло. И они отправились на поиски чудовища; но многие из них умерли прежде, чем добрались до места, – некоторые возле самых домов, другие дальше, пока вся дорога не была покрыта мертвыми телами. Но те, кто добрался до змея, ободрали его и обнаружили, что состоит он в основном из жира с небольшой долей мяса. После этого они питались им всю зиму». Вот что рассказал Акигсиак при первой встрече с береговыми людьми.

В следующий раз он рассказал им, что однажды, путешествуя вместе с отцом, приблизились они к берегу моря и увидели возле самого берега кита, а на берегу множество береговых людей. По приказу отца он сбежал вниз и заставил одного старика научить его магическому заклинанию, которое способно заманить кита в реку. Как только кит вошел в реку, появилась толпа инландеров; но прежде чем они успели пробить шкуру кита своими гарпунами, Акигсиак бегом бросился домой за оружием. Хотя на пути ему пришлось огибать три большие бухты, он все же прибежал вовремя и успел прикончить кита; после этого он начал наделять всех долями, не забыв и старика из береговых людей, которого он защитил от инландеров. При третьей встрече он продолжил свой рассказ и рассказал: прослышав однажды, что где-то чужие инландеры поймали громадную рыбину вроде лосося, он бросился к речному берегу и тоже швырнул свой гарпун в рыбину; однако, поскольку спутников у него было слишком мало, те, другие, стоявшие на противоположном берегу, сумели утащить у них добычу. После этого он поспешил к месту, где река была немного уже; он перепрыгнул через реку и покатился кубарем, а затем встал на ноги на противоположном берегу. Там он быстро распугал других инландеров, взял свою долю рыбыны – которую перекинул своим на другой берег – и затем перепрыгнул через реку обратно тем же способом. Во время четвертой встречи с береговыми людьми Акигсиак рассказал, как однажды поссорился с *игалиликом* (т. е. «носящим горшок» – так называли сказочных обитателей тундры, которые будто бы носили на плечах кипящие горшки) и столкнул его с обрыва, где он и разбился насмерть о скалы. Наконец Акигсиак встретился на высоких берегах реки с *инорусеком* (еще один сказочный гигант – обитатель тундры). Они принялись забавляться бросанием камней, и инорусек уговорил Акигсиака попробовать попасть в каякера, который как раз проплывал по реке вниз. Акигсиак не промахнулся и убил каякера на месте. После этого, пожалев о сделанном, Акигсиак убил инорусека; но говорят, что после этого убийства он никогда больше не ходил к береговым людям. Рассказывают, что лишь однажды он посетил одного жителя побережья на речном берегу; он хотел подраться с ним на кулачках и посостязаться в беге. Хотя, как говорят, он был мельче других инландеров, он, что ни говори, был крупнее наших людей; его спина была так широка, как спины двоих других людей, взятые вместе, а ростом он был лишь чуть пониже, чем два человека, стоящие один на другом.

6. Друзья

(Это очень известная гренландская сказка; в настоящем виде она составлена из трех вариантов.)

Двое друзей очень любили один другого. С самого детства были они постоянными товарищами. Первый жил на одном из самых дальних островов, а жилище второго находилось далеко от моря, в самом конце фиорда. Они очень часто навещали друг друга, а когда расставались на несколько дней, всегда спешили встретиться вновь. Летом тот из друзей, что жил в глубине фиорда, обычно отправлялся в тундру охотиться на северных оленей, но, прежде чем вернуться в свое жилище, он всегда брал целого оленя и устраивал пир для своего друга – причем оленя он выбирал непременно с бархатистыми рогами и оставлял в нем весь жир. Островитянин, со своей стороны, оставлял и откладывал в запас множество тюленей, так что, когда охотник на оленей возвращался, он сразу же ехал в гости к другу и лакомился чудесно высушенным тюленьим мясом; а вечером, когда в комнате становилось жарко, туда вносили и ставили перед друзьями замороженное мясо – на холодное. Гость превозносил кушанье до небес, и они допоздна сидели и сплетничали. На следующий день островитянин обычно ехал в гости к охотнику на оленей, но теперь они ели только оленину, а особенно олений жир. Друг находил олений жир чрезвычайно вкусным и наедался до отвала; а при отъезде на следующий день ему давали с собой сушеное мясо и жир.

Однажды осенью охотник задержался в тундре дольше, чем обычно. Уже и земля промерзла насквозь, а он все не возвращался. Поначалу друг ждал его с большим нетерпением, но потом разозлился; и когда первый из залеженных на хранение тюленей начал портиться, они стали есть запасы. Позже, узнав, что охотник вернулся, он пошел к могиле, отрезал от мертвого тела немного жира и натер им некоторые части тюленьей туши, которой собирался угощать своего друга, – решил он сотворить ему зло. Вскоре после этого охотник приехал к нему в гости. Встреча была очень радостной, и, как обычно, его начали потчевать всякой вкусной едой; охотник рассказал, что ему почти не попадались олени с бархатистыми рогами и потому он так надолго задержался в тундре; а его друг ответил: «Какое-то время я ждал тебя с большим нетерпением, но, когда первые из запасенных тюленей начали гнить, мы все их съели, – а затем добавил: – Давай теперь съедим того, что был добыт последним; нам подадут его на холодное». Внесли мясо тюленя и подали со всей вежливостью, и хозяин взял тот кусок, что был натерт сверху жиром мертвеца, положил его перед другом и предложил тому попробовать; но только собрался гость взять кусок в рот, как кто-то снизу из-под лавки потянул его за ногу. Он удивился, но собрался, однако, второй раз приступить к еде, когда его снова потянули за ногу. Тогда он сказал: «Мне нужно выйти прогуляться», поднялся и вышел наружу. Поскольку он был ангакоком, то теперь голос торнака (духа-хранителя) предупредил его; голос произнес: «Твой друг угощает тебя с дурными намерениями; когда вернешься, переверни кусок и ешь его с другой стороны; если же съешь от той части, что теперь сверху, то наверняка потеряешь разум». Вернувшись и усевшись вновь за трапезу, он перевернул свой кусок мяса; но хозяин подумал, что это могло произойти случайно. Наевшись, гость почувствовал боль в желудке – вероятно, он коснулся все-таки отравленной плоти; но вскоре он оправился и уехал домой, пригласив, как обычно, друга к себе в гости. Когда же он приехал домой, то взял оленя с бархатистыми рогами и поступил с ним точно так же, как прежде его друг с тюленем, – как следует натер его жиром мертвеца. Когда приехал гость, он сразу же угостил его сушеным мясом и жиром, и никогда прежде они не приходились его гостю так по вкусу. Ночью им подали оленя отравленной стороной сверху, и охотник, втыкая в тушу нож, сказал: «Ну вот, у нас есть немного холодного мяса; я долго хранил его для тебя». Друг его начал есть и несколько раз

воскликнул: «Это мясо просто великолепно!» – а хозяин отвечал: «Да, это потому, что олень был такой жирный». Когда мясо было съедено, гость почувствовал боль в желудке; он обвел всех присутствующих тяжелым взглядом, поднялся и вышел наружу, но боль не утихла. На следующий день он уехал домой, и прошло много времени, прежде чем друг вновь увидел его; выходя в море на каяке, он теперь никогда не встречал его, как бывало прежде.

Наконец лед начал покрывать воду, и люди в селении охотника заметили лодку, входящую в залив с моря, и узнали в ней лодку друга-островитянина. Узнав, что самого его в лодке нет, охотник спросил: «Где же ваш хозяин?» – «Он заболел и совершенно обезумел; он хотел съесть нас, поэтому мы все убежали». На следующее же утро охотник отправился навестить друга. Возле дома никого не было видно; он подобрался поближе, прополз по входному проходу и заглянул через порог в комнату; он увидел, что друг лежит на спине, дико выпучив глаза, и голова его свисает с лавки вниз. Он подошел к нему и спросил, как дела, но ответа не получил. После короткой паузы безумец внезапно встrepенулся и закричал во всю мочь: «Ты подло угостил меня, поэтому я съел всех обитателей своего дома, а теперь сожру и тебя!», а затем накинулся на охотника; но тот выскользнул наружу и бегом бросился к своему каяку. Он еле успел оттолкнуть каяк от берега, и преследователь чуть не схватил его. Каяк отплыл, а безумец побежал вдоль берега и закричал: «Мне уже гораздо лучше; вернись! Когда я не вижу тебя день или два, я всегда ужасно скучаю». Друг услышал, что он говорит вполне разумно, поверил и направил каяк обратно к берегу. Но как только он коснулся берега, островитянин вновь набросился на него; но охотник, к счастью, успел это заметить и вовремя оттолкнулся. Дома он не разговаривал и ничего не ел – так горевал по своему другу; все, кто жил с ним в одном доме, подумали, что он сильно изменился. Ближе к ночи он сам заговорил с ними и рассказал, что произошло; остальные посоветовали ему никогда больше туда не возвращаться, так как были уверены, что безумец съест и его тоже, если сможет. Тем не менее на следующее же утро он вновь сел в каяк и отправился туда – *как будто его заставили*.

На острове все произошло так же, как накануне. Безумец преследовал его, пока не загнал в дом; после этого он запер дверь, так что охотнику пришлось вылезать через окно, и он едва успел добежать до каяка. На следующий день домашние вновь пытались остановить его; но он твердо решил ехать. Он вошел в дом друга и обнаружил, что его состояние еще ухудшилось: на этот раз он лежал головой прямо на полу, а ногами на краю лавки; глаза его выпучились еще сильнее и смотрели дико, а нос заострился, как лезвие ножа. Когда охотник подошел ближе, тот вскочил и начал гоняться за бывшим другом по комнате и все время выкрикивать: «Я умираю от голода; я должен добыть тебя на еду». Дело кончилось тем, что друг выпрыгнул от него в окно и добежал до каяка; но стоило ему отплыть, как он увидел, что безумец идет по поверхности воды и готов уже ухватиться за нос его каяка. Тогда он начал раскачивать каяк вперед и назад; на воде образовалась рябь, и безумец теперь с трудом удерживался на ногах. Так охотнику удалось еще раз ускользнуть от бывшего друга. На следующий день его домашние вновь хотели удержать его, но он ответил: «Если я не видел своего друга целый день, я умираю от тоски по нему; я не в состоянии отказаться от поездки к нему».

Дом друга-островитянина, когда он до него добрался, оказался покинутым; он искал его повсюду, но найти не смог. Наконец возле дома он заметил отпечатки ног, извиистой линией уходившие в холмы; он пошел по следам и добрался до пещеры в скале. Там, скорчившись, сидел его друг; он совсем иссох. Он не двигался; охотник подошел к нему и попытался поднять, но обнаружил, что он мертв, а веки его наполнены кровью. Тогда он тщательно закрыл и запечатал вход в пещеру, и с тех пор у него не было друзей.

7. Катерпарсюк

(Эта история тоже известна в Гренландии повсеместно. Предлагаемая версия составлена из пяти вариантов.)

Катерпарсюк был бедным сиротой. Когда он вырос, он стремился преуспеть в жизни, – ведь никто не хотел заботиться о нем и помогать ему. В конце концов он решил попробовать самостоятельно построить себе каяк; но никто не хотел одолжить ему нож, поэтому сначала он пытался работать каменными орудиями, а затем раковинами. Случилось так, что в том же месте жил один злой человек; вместо того чтобы пожалеть бедного мальчика, он забавлялся тем, что донимал и запугивал его. Как-то раз он нарядился в медвежью шкуру, тайком подобрался к Катерпарсюку сзади и зарычал по-медвежьи. Обернувшись и увидев его, Катерпарсюк в ужасе бросил работу и инструменты и убежал прочь. Когда соседи Катерпарсюка по дому пришли на это место и увидели его приспособления и инструменты из раковин и камней, зрелище это очень их тронуло. Тем временем злой человек вышел вперед и сказал Катерпарсюку: «Вместо того чтобы пожалеть тебя, я смеялся над тобой; все потому, что ты, глупый мальчишка, посмел подумать о том, чтобы совершенно самостоятельно построить каяк. Именно поэтому я нарядился в медвежью шкуру и напугал тебя». Услышав это, остальные хохотали до упаду над смущением несчастного мальчика; но он смертельно обиделся и не мог уже ни о чем думать, кроме своей обиды и мести. После этого он начал уходить в безлюдные места и изучать науку ангакоков.

Прошло много времени, и ему удалось все же закончить каяк; он научился грести и охотиться и смог даже охотиться на тюленей. Однажды с вершины холма он увидел моржа и подумал: «О, если бы я смог заставить его сбросить шкуру!» Он запел колдовскую песню, но без толку. Очень расстроенный, он вернулся домой, но не успокоился, пока не придумал для своей цели специальное магическое заклинание. Он испробовал свое изобретение на зайце, и заклинание подействовало. Он вновь, больше чем когда-либо, стал думать о мести. Однажды, когда все охотники вышли на каяках в море, он тоже сел в каяк, взял весло и уплыл в отдаленное место. Там он вышел на берег, поднялся на высокий холм, откуда хорошо было видно море, и отыскал вдали множество моржей, игравших в волнах. Он выбрал одного из них и начал петь ему свое колдовское заклинание; вскоре морж подплыл к берегу прямо у подножия холма. Шаман продолжал петь, все громче и громче, и наконец зверь сбросил с себя шкуру. Катерпарсюк тут же забрался в нее и принялся учиться плавать и нырять в ней; когда каякеры подошли к этому месту, он уже знал, как сделать шкуру твердой, чтобы гарпун не мог проткнуть ее. К этому времени злой человек, мучивший Катерпарсюка, постарел и стал немощен и уже не ходил охотиться на тюленей; теперь он иногда только ловил рыбу.

Однажды Катерпарсюк надел свою моржовую шкуру и вынырнул из воды рядом с тем местом, где ловил рыбу злой старик. Он услышал, как тот воскликнул: «О, если бы я снова стал молодым, какого зверя я мог бы добыть!» После этого старик вернулся домой, собрал все свои охотничьи принадлежности, которыми давно уже не пользовался, и на следующий день взял их с собой на рыбную ловлю. «О, смотри-ка! Он снова здесь!» – воскликнул старик и принялся грести к моржу; но Катерпарсюк сделал шкуру твердой. Он схватил наконечник гарпуна и утянул его вниз, под воду, вместе с пузырем, из которого вынул затычку и выпустил весь воздух; после этого он сел в свой каяк и поспешил домой. Старик, однако, очень расстроился оттого, что потерял свой пузырь-поплавок; а вернувшись домой, принялся хвастаться: «Я снова начал ходить на охоту; сегодня я преследовал большого моржа, но он ушел от меня и утащил с собой мой пузырь». Катерпарсюк дал ему поболтать вволю, а вечером пригласил всех мужчин к себе на пир; старик тоже был приглашен. После трапезы он снова начал рассказывать о погоне за

моржом и своей потере. Катерпарсюк же еще до прихода гостей повесил пузырь старика вместе с гарпунным ремнем на кольцо в стене; и когда старик расхвастался всюду, он указал на них и сказал: «Посмотри, вот все твои охотничьи принадлежности, можешь забрать их, когда пойдешь домой». Старик пришел в полное замешательство и вскоре сконфуженно ушел с праздника. Говорят, что обида Катерпарсюка несколько улеглась – так славно он позабавился, когда представлялся моржом тому человеку, который в свое время представился ему медведем.

8. Сказка о двух девочках

(Данный текст составлен из двух вариантов – одного лабрадорского и одного гренландского, – записанных до 1828 г.)

Две маленькие девочки играли на берегу моря с маленькими косточками: одна с орлиными, другая с китовыми. Внезапно в воздухе над ними пронесся орел, и одна из девочек сказала: «Я возьму орла себе в мужья»; вторая ответила: «Можешь радоваться, что у тебя уже есть муж; я возьму себе кита». Тут же в море неподалеку появился китовый фонтан. И орел поднял одну из девочек и улетел с ней прочь. И кит унес вторую девочку вниз, на морское дно – предварительно плотно залепив ей глаза и уши, чтобы не проникала вода. Орел унес свою невесту на вершину отвесного утеса и стал носить ей на еду всевозможных мелких птичек; но она собирала все жилы из птичьих крыльев и связывала их вместе, чтобы сделать из них канат. Однажды, когда орел улетел, она измерила длину каната и поняла, что его хватит до уровня моря. На другой день она увидела внизу каякера; он плыл на своем каяке вдоль берега. Когда он проплывал прямо под ней, она окликнула его и попросила прислать лодку ей на выручку. Вскоре после этого появилась лодка; девочка соскользнула вниз по своему канату из птичьих жил и вернулась к родителям. Но орел, не найдя своей супруги, ударил крыльями и пронесся над домами; один из обитателей крикнул ему: «Если хочешь показать, что женат на девушке из нашей семьи, расправь крылья!» Однако, когда орел так и сделал, люди застрелили его.

Другая девочка, которую унес кит, была привязана ко дну моря веревкой; и когда кит был дома, ей совершенно нечего было делать, кроме как сидеть и собирать с его тела вшей¹¹. У нее неподалеку жили два брата; оба они принялись строить чрезвычайно быструю лодку, при помощи которой рассчитывали выручить сестру. Однако, когда лодка была закончена, оказалось, что она не может соперничать в быстроте с птицей; поэтому братья разломали ее на куски и начали строить другую. Эта лодка уже могла состязаться с летящей птицей, но все же и от нее отказались; они вновь построили новую лодку и попытались в ней догнать чайку; обнаружив, что лодка способна даже обогнать эту птицу, они пустились в путь выручать сестру. Она заметила их приближение, ослабила удерживавшую ее веревку, обмотала ее конец вокруг камня и уплыла с братьями на лодке. Кит, вернувшись, потянул за веревку, чтобы подтащить жену к себе, и обнаружил, что она исчезла. Он пустился в погоню. Кит почти уже догнал лодку, но девочка швырнула ему в воду свою верхнюю куртку. Он сначала схватил куртку, но затем выпустил и вновь пустился в погоню; и вновь почти догнал лодку, но девочка бросила ему свою нижнюю куртку, и она снова задержала кита. Но вскоре он в третий раз догнал беглецов. Тогда она швырнула ему свою рубаху, и, прежде чем он вновь догнал их, братья и сестра успели выбраться на берег. А кит, коснувшись берега, превратился в кусок китового уса.

¹¹ Паразит из ракообразных, известный под названием китовая вошь.

9. Братья навещают свою сестру

(Эта сказка очень популярна в Гренландии. Следы ее можно обнаружить и в других гренландских сказках, а также в одной истории с Лабрадора. Данный текст почти полностью представляет собой буквальный перевод записи, сделанной по рассказу уроженца Южной Гренландии.)

У одного человека было трое детей; старшей была дочь. Когда ее братья были еще совсем маленькими, она вышла замуж за человека с дальнего юга. В детстве мальчики даже не знали, что у них есть сестра, так как отец намеренно никогда не говорил им о ней. Наконец они совсем выросли и начали охотиться на тюленей; они по-прежнему ничего не слышали и не знали о сестре, пока однажды их мать не сказала: «По-моему, вы даже не знаете, что у вас есть сестра!» Услышав это, сыновья начали допытываться, где она живет; на это мать ответила: «Посмотрите сюда; видите эти высокие горы далеко на юге? За ними и находится зимовье вашей сестры; а волосы у нее, странно сказать, с одной стороны совсем белые. Однако вам не стоит даже думать о том, чтобы поехать туда, – ведь люди, среди которых она живет, все каннибалы». Услышав это, старший брат передумал было ехать; но младший по-прежнему очень хотел увидеть сестру. Мать пыталась отговорить его, но его желание только возрастало, и на следующий же день братья пустились в путь. Родители попытались предупредить их. Они сказали: «Если вы спуститесь с гор днем, то вам нужно будет дожждаться ночи и не подходить близко к жилью, пока все не заснут, иначе тамошние жители непременно убьют вас».

Когда братья уехали, родители оплакали их, как мертвых. Сами же путники добрались до высоких гор на юге и начали осматривать землю за ними в поисках жилья. Через какое-то время старший брат сказал: «Если у подножия гор живут люди, то над селением непременно должны летать вороны». Наконец они заметили крутой холм, над которым кружило множество воронов. Братья отвернули от замерзшего моря и двинулись в глубину суши; там они закрепили сани и стали ждать ночи. Когда же окончательно стемнело – по расчетам братьев, обитатели селения должны были уже спать, – они вновь двинулись вперед. Они увидели перед собой множество домов, в первом из которых было три окна. Они подошли к этому дому, осторожно поднялись на крышу и заглянули в дымовое отверстие. Они увидели там человека отвратительного вида, сидевшего перед лампой рядом с женой; жена, казалось, выбирала у него вшей, и голова ее с одной стороны была совершенно белой. Старший брат поднялся и сказал: «Разве нам не сказали, что у сестры нашей одна сторона головы должна быть белой? Подойди и взгляни!» Младший брат тоже заглянул вниз и, увидев беловолосую женщину, воскликнул в сильном испуге: «Да, там внизу, должно быть, действительно наша сестра! Надо плюнуть вниз, в отверстие, перед лампой; они заметят, и наверняка кто-нибудь выйдет». И правда, стоило ему плюнуть вниз, как женщина толкнула мужчину в бок и сказала: «Должно быть, кто-то пришел к нам издалека; поднимайся побыстрее!» При этих словах мужчина тут же поднялся, взял лук и двинулся к выходу. Братья увидели, что он появился у входа в дом с натянутым луком в руках, и старший обратился к нему прежде, чем он успел их увидеть. Он сказал: «Мы пришли навещать сестру; нам сказали, что у нее волосы с одной стороны головы белые». Мужчина ответил шепотом: «Ваша сестра внутри; входите, пожалуйста». Все трое вошли в дом. Муж сразу же повел себя по отношению к братьям как родич и приказал приготовить для них еду. Жена обухлась и позвала на помощь нескольких детей; вскоре братья поняли, что в доме вместе с сестрой и ее мужем живут только их дети. Потолочные шесты, где обычно сушили обувь, были сплошь увешаны башмаками и меховыми чулками разных размеров – чем ближе к выходу, тем больше. Через некоторое время перед мужчинами появилась большая миска ягод, размятых с нутряным жиром, и сестра пригласила братьев к трапезе. Братья уже немного освоились в доме и

почувствовали себя свободнее; они начали накладывать себе кушанье, как вдруг на самом дне миски заметили сильно сморщенную человеческую кисть; она была отрезана у запястья и как будто сжимала в кулаке ягоды. Заметив ее, они просто сказали: «Мы не едим такого», но сестра, не обращая внимания, придвинула миску к себе и принялась есть вместе с детьми. Добравшись до человеческой руки, она откусила кусочек большого пальца; дети дружно закричали: «Мама, дай нам тоже немножечко!» Тогда старший из братьев поднялся, подошел к сестре поближе и спросил: «Так ты тоже стала людоедкой?» Она же, пихнув мужа в бок, ответила: «Меня сделал такой этот мерзкий тип». Тем временем муж распорядился, чтобы она приготовила для братьев на масляной лампе что-нибудь другое, но осторожно добавил: «Только не разводи слишком сильный огонь, а то соседи заметят и будут недовольны». Подвешивая над масляной лампой котелок, жена объяснила братьям: «Прошлой зимой мы убили кита; когда его вытаскивали на берег, чтобы ободрать и разрубить, один человек случайно упал туда же, и его разрубили вместе с тушей». Пока готовилась трапеза, хозяин шепнул своим детям: «Выйдите наружу и обрежьте все ремни на санях наших соседей, но будьте осторожны, не шумите». Дети сразу же вышли, а когда вернулись, отец спросил: «На всех ли санях сделали вы то, что я сказал?» – «Да, – ответили они, – на всех». Но все же одни сани они забыли. Когда мясо сварилось и братья начали есть, хозяин сказал: «Когда закончите, я провожу вас немного; но как только вы уйдете с твердой земли на лед, я закричу; увидите, что произойдет».

После ужина перед отъездом он обратился к ним с такими словами: «Вы теперь знаете, где мы живем; приезжайте еще навестить сестру». Сказав это, он проводил их к саням, и они уехали. Но как только они съехали на лед, он вскричал во весь голос: «Гости уезжают – гости собираются нас покинуть!» Братья оглянулись и увидели, что все селение черно от людей, что люди толпятся во всех дверных и оконных проемах. Некоторые из них хватили и торопливо натягивали одежду, другие были совершенно голы, но все как один неслись к саням; но когда они попробовали тронуться, все сани развалились – ведь дети разрезали ремни, которыми они были связаны. Путники испугались и принялись изо всех сил погонять собак; обернувшись, однако, они увидели, что единственные оставшиеся целыми сани все же догоняют их. Муж сестры тоже увидел это и поспешил вдогонку; он убил водителя на тех санях и еще нескольких человек, а после этого нагрузил свои сани человеческими останками; с этим грузом он и вернулся в селение. А братья к ночи добрались до дому и рассказали, что сестра их сделалась людоедкой, а сами они при помощи ее мужа едва избежали смерти. Больше они никогда не видели своей сестры.

10. Кунук-сирота

(Эта сказка, по всей видимости, имеет исторические корни. В ней говорится, в частности, о борьбе с индейцами и об их внезапных нападениях на эскимосов. Кроме того, в ней говорится, вероятно, о войнах, которые эскимосские племена вели между собой, и о далеких перекочевках, в результате которых они заселили огромные территории. Некоторые сюжетные детали этой сказки до сих пор нередко появляются в измененном виде в других сказках. Данный текст составлен из трех вариантов, которые в большинстве принципиальных моментов совпадают между собой.)

Зимнее стойбище неких людей располагалось возле устья фиорда, и с этими людьми жили два мальчика, очень послушные и услужливые. По утрам, когда мужчины собирались на охоту, мальчики помогали выворачивать и натирать жиром рукавицы – готовили их к использованию; точно так же они готовили и принадлежности к каякам, орудия и оружие, приносили воду и подавали мужчинам напиток. Когда охотники уходили, мальчики тренировались в стрельбе из лука; весь день, до самого возвращения мужчин, они не входили в дом, а потом помогали охотникам принести с берега вещи и добычу. Им даже не приходило в голову пойти в дом и поест в первый раз за день, пока в дом не входил последний из мужчин и пока они еще раз не принесли воды и не подали им напиток.

Однажды лунным зимним вечером, когда мальчики пошли за водой, младший из них сказал: «Мне кажется, я вижу в воде множество лиц», а Кунук, старший брат, ответил: «А это не отражение луны?» – «Нет, подойди и взгляни сам». Кунук посмотрел на воду и сказал: «Ты прав, и они приближаются»; затем он увидел в воде (т. е. путем ясновидения), что к зимовью движется множество вооруженных людей. Мальчики побежали изо всех сил домой и рассказали обо всем взрослым; но те только ответили: «Должно быть, это луна. Вам показалось. Не думайте об этом, а бегите-ка лучше и принесите воды; горшок для воды пуст». Они пошли, но вновь увидели то же самое и вернулись, чтобы рассказать об этом. Им вновь не поверили. Когда же они в третий раз увидели в воде, что к селению быстро приближаются вооруженные люди, они задумались о том, что делать с маленькой сестренкой. Они решили пойти и спрятать ее; они вошли в дом и вынесли девочку наружу; увидев под окном кучу щепы, они положили девочку и тщательно укрыли ее щепой. Сделав это, они вернулись назад и взобрались на стропила под крышей входного прохода; Кунук помог младшему брату забраться наверх и предупредил, чтобы тот держался крепче и не уставал, хотя прятаться в этом месте оказалось очень неудобно – мальчикам пришлось держаться руками за одну балку, а ногами опираться на другую и висеть под потолком горизонтально лицом вниз. Вот у наружного входа появился крупный мужчина с копьем; за ним еще один; в конце концов мальчики насчитали семь человек, и все они ворвались в дом. Чужаки вбежали внутрь и принялись убивать обитателей дома; раздались ужасные крики. Пока напавшие находились внутри, брат Кунука начал терять силы и уже чуть не падал, когда чужаки выбежали обратно; они раздавали удары направо и налево и размахивали во все стороны копьями; один из них проткнул копьем и кучу щепы, где была спрятана маленькая сестричка. Когда последний из чужаков исчез, младший из мальчиков упал на землю, и Кунук за ним. Они отправились за сестричкой и нашли ее; ее тельце было проткнуто копьем, и из раны выглядывали внутренности. Они вошли в дом; пол там целиком был залит кровью, а все обитатели и один из нападавших лежали убитые.

Мальчики не захотели оставаться совершенно одни в этом уютном доме и потому ушли из поселка в ту же ночь; раненую сестру они несли по очереди и следили затем, чтобы ее внутренности не выпадали в отверстие и оставались там, где положено. Они долго бродили таким образом и наконец добрались до замерзшего залива. Там они спустились на лед, но, пока оги-

бали большой скальный мыс, маленькая сестричка умерла, и они похоронили ее в пещере среди скал. С самого момента бегства мальчики начали тренироваться – учились драться на кулачках и поднимали большие камни, чтобы укрепить свои члены; и еще прежде, чем встретили других людей, они выросли и стали сильными и ловкими.

Прошло много времени, и однажды они увидели человека; он стоял на льду возле большого куска дерева и охотился на небольших тюленей, пользуясь бревном как укрытием. Они подошли ближе и рассказали этому человеку о том, что с ними произошло. Он сказал, что рад будет усыновить их, и мальчики пошли вместе с ним к дому, где этот охотник и его жена жили совершенно одни. Приемные родители учили мальчиков не забывать и не прощать своих врагов, а всегда тренироваться и укреплять члены. Однажды вечером братья вернулись домой, нагруженные белыми куропатками и лисицами, которых добыли без всякого оружия, просто бросая камни. Старики очень обрадовались и очень хвалили их за ловкость и упорство. Чтобы еще увеличить силу, мальчики одними руками поднимали огромные камни. Они также тренировались в драке на кулачках и в борьбе; и как бы ни нажимал один из них на второго, они особенно следили за тем, чтобы никогда не падать, а только вместе перекатываться по земле. В конце концов от постоянных тренировок они сделались такими ловкими, что способны были убить медведя голыми руками. Сначала они наносили удар, а когда медведь поворачивался и шел на них, они просто хватали его за лапы и разбивали об лед или скалу; они обращали на медведя не больше внимания, чем на зайца. Добившись таких результатов, они начали задумываться над тем, чтобы разыскать других людей. Где? Им было безразлично.

Братья выбрали северное направление и долго шли, не встречая ни одного человеческого существа. Наконец они вышли к большому морскому заливу, где множество каякеров были заняты охотой на тюленей, причем оружие было, кажется, только у одного. Этот человек, как выяснилось, был у них вождем; он был самым сильным. Он всегда стремился сам загарпунить любого зверя, на которого охотились другие, – остальные могли только выследить и спугнуть зверя. Если кто-то осмеливался ранить тюленя первым, то вождь лично наказывал ослушника; но как только «силач» вонзал в зверя свой дротик, остальные все вместе помогали прикончить добычу. Кунук с братом были слишком скромны, чтобы сразу спуститься к людям, и решили дожидаться наступления вечера. Пока ждали, увидели, как охотники разделали и поделили лахтака – каждый человек взял по большому куску, кроме одного старика; старик этот жил в самом бедном шатре и не получил ничего, кроме внутренностей, которые и унес с берега домой при помощи двух дочерей. Братья решили с наступлением темноты направиться в дом старика; молодые люди пожалели его за смирение, с которым он сносил отношение окружающих и «вождя». Они подошли к шатру, и Кунуку пришлось входить одному, так как его брат был слишком застенчив и не пошел за ним сразу. Старик спросил у незнакомца: «Ты один?» – «Нет, у входа стоит мой младший брат; он стесняется войти». Услышав это, старик воскликнул: «Входи, ты, кто стоит у входа!» Когда же младший брат вошел, старик изумился при виде его сильных членов – ведь младший брат был даже крупнее старшего. После трапезы старик сказал, что хотел бы видеть их обоих своими зятьями, и разрешил взять своих дочерей в жены. Кунук выбрал младшую дочь, а брату его досталась старшая; так они женились. Говорят, что, спускаясь к селению, братья сначала пошли посмотреть на лодки и тщательно обследовали их, а увидев оружие «силача», они забрали его дротик (большую стрелу, которую бросают просто рукой), чтобы спрятать его и заставить охотников селения поискать. Они отнесли дротик к источнику и воткнули в землю немного в стороне, но затем снова вытащили и воткнули в другом месте, где земля была сухой и твердой. Там Кунук загнал его так глубоко в землю, что наружу остался торчать маленький кусочек, который еле-еле можно было ухватить двумя пальцами. Итак, они лежали в шатре и вдруг услышали, как кто-то подбежал и приподнял занавес у входа, но тут же уронил его и вновь убежал. Это была старая сплетница, мать «силача»; уже через несколько минут у входа в шатер собралось множество людей – поглазеть на чужаков.

Утром братья услышали, как вождь громко объявил: «Сегодня прекрасный день для охоты на лахтака»; после этого он некоторое время молчал и затем сказал: «Кто-то забрал мой дротик!» Эти слова за ним повторило множество голосов, снова и снова. Когда Кунук появился из шатра, он увидел еще нескольких мужчин; они тоже только выходили из домов, протирали глаза и говорили: «Здорово же я сегодня проспал!» Однако на самом деле они лукавили; все это говорилось только из уважения к «силачу». Пока охотники шумели, старая сплетница отправилась за водой и тут же воскликнула: «Посмотри, вот твой дротик!» – и указала рукой на скалу возле источника. Все бросились к этому месту и попытались выдернуть дротик из земли, но никому не удалось сделать это. Тогда позвали братьев и попросили их вытащить дротик. До этого все пытались его вытаскивать, ухватив за конец кто пальцами, кто зубами, и теперь конец дротика совсем размочалился. Но Кунук просто взял его двумя пальцами и вытянул из земли, как будто это было совсем несложно. После этого все направились к берегу, и тесть сказал братьям: «Вон там, под большой лодкой, лежат два каяка моего погибшего сына. Они вполне пригодны для охоты и снабжены всем необходимым, да и добраться до них легко». Теперь он хотел передать каяки своим зятям. Он рассказал им, что «силач» убил его сына, так как позавидовал его силе; по этой же причине он враг его дочерям. Однако до сих пор им не удалось отомстить за смерть сына и брата. Вскоре раздался крик: «Пусть чужаки выйдут состязаться в кулачном бое и борьбе на большую поляну за селением!»; после этого все местные жители двинулись на поляну, стремясь увидеть редкостное зрелище. Братья последовали за ними; на поляне они увидели установленный вертикально шест и рядом с ним вожака с кнутом из кожи лахтака с узлом на конце. Рядом лежала набитая шкурка белого зайца; когда кто-нибудь ставил на нее ногу, вожак должен был быстро хлестнуть этого человека кнутом. Кунук первым подошел к зайцу; вожак попытался ударить его, но не достал. Вскоре после этого Кунук смело поставил ногу на зайца; но в тот самый момент, когда «силач» поднял кнут, Кунук убрал ногу и *отвердил* свои члены (при помощи колдовского заклинания). Когда тот ударил, кнут громко щелкнул по телу. «Силач» решил, что убил Кунука, хотя на самом деле тот остался совершенно невредимым. Услышав щелчок ремня по телу, «силач» приказал выйти вперед младшему брату. Однако младший беспокоил его не так, как Кунук, и после первой попытки вожак предложил ему поменяться местами. Он отдал кнут младшему брату, а сам пошел и поставил ногу на набитую шкурку зайца. Тогда брат Кунука крикнул: «Берегись и готовься!» – и одновременно нанес удар, да такой, что вожак упал на месте мертвым. Все те, кто вынужден был ему подчиняться, очень обрадовались и воскликнули, обращаясь к братьям: «Теперь вы будете нашими жожаками!» – но те отказались: «У вас больше не будет жожаков, вы будете охотиться свободно и по собственной воле». После этого братья начали совершенствоваться во всевозможных искусствах, необходимых, чтобы выходить в море на каяках и охотиться на тюленей, и завели себе *дротики с пузырями*¹² – причем пузыри они сделали из цельных надутых тюленьих шкур.

Однажды братья вместе с другими каякерами стали преследовать огромную самку лахтака. Кунук четырежды пытался поразить ее гарпуном с большего, чем обычно, расстояния; наконец гарпун проткнул зверя насквозь; тот тяжело задыхался и через минуту или две был уже мертв. Когда остальные охотники приблизились, чтобы добить лахтака, то обнаружили, что гарпун вонзился очень глубоко, по самый пузырь; все были поражены и восхищены такой сноровкой и силой. Обычным тюленям хватало даже царапины от его гарпуна.

Однажды Кунук услышал рассказ о том, что к югу от них живет настоящий великан по имени Унгилачтаки. Он владел громадным мечом, и от него еще никто не уходил: он побеждал и убивал даже самых отважных людей. Услышав это, братья сразу же решили, что это, должно

¹² Небольшие гарпуны с пузырями-поплавками, прикрепленными непосредственно к древку, без веревки. Использовались в основном для охоты на мелкого зверя.

быть, один из тех вооруженных силачей, что напали на их родной дом, когда братья были еще маленькими детьми; они решили пойти и разыскать этого человека – ведь они знали, что теперь способны отомстить за себя и родичей. Они вышли на двух больших лодках, одна из которых принадлежала младшему брату; в этой лодке с ними пошла и мать убитого «силача». Вторая лодка принадлежала Кунуку; кроме того, на войну с Унгилагтаки их сопровождало множество каяков. Поднялся сильный северный ветер, и лодки распустили паруса; каякеры развлекались тем, что бросали свои гарпуны вдоль лодок. Случилось так, что гарпун, брошенный Кунуком, задел за нос лодки, отскочил и с громким всплеском упал в воду. Увидев это, старая карга хихикнула и принялась дразнить жену Кунука, да так, что та не смогла удержаться от слез. Кунук спросил брата, который был главным в той лодке: «Почему плачет моя жена?» – «О, это все из-за гарпуна, – ответил тот. – Она очень расстроилась из-за того, что старуха посмеялась над тобой». Тогда Кунук специально чуть приотстал и вдруг, держа гарпун наготове, бросил каяк поперек лодки. Гарпун задел капюшон меховой старухиной куртки – а она сидела и гребла на носу лодки – и даже вырвал из него клочок меха; а Кунук повторил этот трюк еще раз. Через некоторое время брат Кунука посмотрел на берег и узнал то место, где они похоронили маленькую сестричку. Он пригорюнился и попросил кого-нибудь сменить его у рулевого весла, чтобы он мог пройти на нос лодки и посидеть там. Он сел на носу и зарыдал, напрасно стараясь удержать слезы; тем временем лодка начала раскачиваться от его конвульсий, и в нее стала захлестывать морская вода. С того самого дня он заболел и умер еще до того, как они добрались до цели, так что дальше к Унгилагтаки Кунуку пришлось идти одному.

Дело было в середине зимы, и на льду во время пути они встречали много людей. Один довольно крупный мужчина пригласил их в свой дом. Оказалось, что этот человек тоже враг Унгилагтаки; как только гости вошли в дом, он сказал, что перед трапезой покажет им, как обычно Унгилагтаки поступает с чужаками. Он взял целую тюленью шкуру, набитую песком и с приделанной к середине веревочной петелькой, вставил в петельку безымянный палец и легко пронес шкуру с песком вокруг комнаты, а затем предложил гостю сделать то же самое. Кунук подцепил петельку мизинцем, без труда поднял шкуру на вытянутой руке и положил обратно. После этого хозяин снова заговорил. «Теперь сядь против меня, – сказал он, – и я брошу в тебя копье, которое, однако, не нанесет тебе вреда». Сказав это, он принес копье и бубен и начал петь; Кунук услышал, как остальные шепчут: «Пригнись, незнакомец!» – и сразу же подчинился, так что на виду остался только его подбородок. Хозяин, бросая копье, растерялся и не смог как следует прицелиться, а потому промахнулся и только сказал: «Вот как поступает Унгилагтаки, он всегда попадает в цель и никогда не промахивается. Но я не знаю, каково тебе будет с ним; едва ли он сможет досадить тебе. Но у него есть товарищ по имени Таянгиарсюк, он двуязычный и спереди такой же большой, как и сзади; он невероятно силен и помогает товарищу, если найдется вдруг такой человек, с которым тот не может справиться».

Когда все сидели за трапезой, снаружи раздался крик: «Унгилагтаки приглашает чужака в свой дом!» Кунук с женой собрались идти, а хозяин сказал: «Держись смелее с самого начала, а не то он сразу убьет тебя». Гости отправились в большой дом с тремя окнами, где жили многочисленные жены Унгилагтаки – всех он украл в разных селениях. Кунуку приказали сесть на боковую лавку, зато жену его пригласили занять место на главной лавке, а хозяин дома, где они гостили, сел напротив. Кроме них, в дом набилось множество зрителей; кто бы ни входил, Кунук непременно спрашивал, не Таянгиарсюк ли это, пока, наконец, не появился и он. Всем подали трапезу из нескольких блюд; когда же гости закончили есть, Унгилагтаки велел Кунуку сесть напротив себя, вытащил из-под лавки громадное копье и ударил в бубен, вытащенный оттуда же; все подхватили песню для Кунука и одновременно воскликнули: «Пригнись, незнакомец, появившийся среди нас; великий Унгилагтаки, который никогда не промахивается, собирается метнуть в тебя копье». Он пригнулся, как в первый раз, так что на виду остался один только подбородок; но пока Унгилагтаки прицеливался, он ловко подпрыгнул и

ухватился за одну из потолочных балок, так что копьё прошло гораздо ниже; когда же копьё было брошено во второй раз, он спрыгнул обратно, и копьё под громкие одобрительные крики зрителей пронеслось у него над головой. Унгилагтаки собирался прицелиться в третий раз, но Кунук ухватился за копьё и сказал, что он тоже хотел бы попробовать свои силы. Они поменялись местами. Кунук ударил в бубен и завел песню для Унгилагтаки; но пока тот собирался пригнуться, Кунук успел прицелиться; копьё ударило точно в горло, так что Унгилагтаки упал мертвым. Все бросились прочь из дома; Кунук побежал следом, но вдруг почувствовал, как кто-то схватил его сзади – оказалось, Таянгиарсюк.

Вскоре на ледяной равнине, из которой торчало множество камней, начались состязания борцов; он специально выбрал такое место, чтобы иметь возможность приканчивать соперников, бросая их на острые камни. Кунук понял, что встретил равного себе, и почувствовал легкую нерешительность; все же он обхватил его и попытался поднять на воздух, пока сам не устал. Подняв, он швырнул его на землю. У противника хлынула горлом кровь. Вскоре появился еще один претендент на победу, еще более могучего сложения; он быстро повалил Кунока и уже поставил колено ему на сердце, но тот вдруг схватил его снизу, обхватил за плечи и выдавил из него легкие. Снова раздались аплодисменты зрителей; но тут кто-то закричал: «Вот несут последнего из силачей, хромого», и вскоре все увидели три лодки, которые несли на себе этого борца – ведь он был не похож на обычных людей. Он был огромен и, чтобы передвигаться по воде, должен был лечь поперек трех лодок. Оказавшись на берегу, он пополз к месту схватки, упираясь в землю локтями. Когда Кунук попытался бросить его, ноги борца не сдвинулись ни на дюйм; тогда Кунук обхватил его за пояс и начал крутить вокруг себя, и постепенно ему удалось оторвать от земли и туловище противника, и его ноги. Когда ноги силача вытянулись над землей, Кунук отпустил соперника, да так, что при падении его череп раскололся. Все люди очень обрадовались и воскликнули: «Спасибо тебе! Теперь у нас не будет хозяев!» – а те, чьи жены были украдены, получили их обратно.

11. Неверная жена

(Эта и следующая сказки вместе с еще одной, про «дитя собаки», опущенной в данном сборнике, скомпилированы из пяти записей, одна из которых была сделана на Лабрадоре, а остальные – в разных частях Гренландии. В этих вариантах части историй переставлены в самых разных сочетаниях, но первоначально, по всей видимости, они представляли собой три отдельных сюжета. Два из них представлены в данной книге.)

Один человек жил вдвоем с женой и заметил однажды, что жена его часто уходит из стойбища неизвестно куда. Возвращаясь вечером после дневной охоты, он редко заставал ее дома. Это сделало его подозрительным; однажды утром он притворился, что уходит далеко, а сам только отошел от берега в своем каяке и сразу же направился к ближайшему мысу. Там он высадился на берег и спрятался за камнями. Вскоре жена его появилась из шатра в лучшем своем наряде. Тогда он тайком двинулся за ней и вышел к озеру; там он увидел, как она бросила что-то в воду, после чего в воде появилось какое-то существо мужского пола, а она разделась и спустилась к нему в воду. От этого зрелища муж страшно разгневался и принялся собирать всевозможных паразитов; и однажды, оставшись наедине с женой, он силой заставил ее съесть их и таким образом убил ее. После этого он остался совсем один, но ему не хотелось выходить в море на каяке и заниматься обычными делами.

Однажды, вернувшись в свой одинокий шатер, он с огромным удивлением обнаружил, что его ужин готов и в миске подано дымящееся мясо. На следующий день повторилось то же самое: его миска была полна горячего дымящегося мяса, а башмаки высушены и готовы к использованию¹³. Так повторялось каждый день. Однажды он не стал уходить на своем каяке далеко от берега, а вместо этого вернулся на берег и спрятался в таком месте, откуда мог наблюдать за своим шатром; и вскоре увидел маленькую женщину с волосами тщательно убранными в громадный пучок. Она спустилась с холма и вошла в его шатер. Тогда он быстро сел в каяк, ввернулся обратно и тихонько подобрался к своему дому. Осторожно приподняв входной занавес, он почувствовал сильный неприятный запах и увидел, что маленькая женщина старательно подрезает фитиль в его лампе. На самом деле это была лисица, которая обернулась женщиной, – этим и объяснялся сильный запах. Тем не менее он взял ее в жены.

Однажды он встретил в море своего двоюродного брата и рассказал ему о своей новой жене; он всячески превозносил ее красоту, а затем пригласил брата приехать и познакомиться с ней. «Но, – добавил он, – если заметишь вдруг, как она противно пахнет, не говори, пожалуйста, ничего об этом». Двоюродный брат сразу же отправился вместе с ним; они оба высадились на берег и вошли в шатер. Но когда гость увидел, как хороша и красива жена брата, он преисполнился ревности и назвал брату воскликнул: «Откуда здесь такой ужасный запах?» В то же мгновение маленькая женщина поднялась на ноги; теперь у нее был хвост, которым она погасила лампу, а после этого крикнула, как лисица, «Ка, ка, ка!»¹⁴ и выбежала из шатра. Муж кинулся за ней; но когда сумел разглядеть, она уже превратилась в лисицу и неслась со всей возможной скоростью вверх по склону холма. Он бросился в погоню, но не догнал – она исчезла в пещере. Говорят, что, пока он стоял у входа и звал ее, она послала ему сначала жука, затем паука, а затем гусеницу. Тогда он пришел в ярость, собрал у входа в пещеру кучу дров и

¹³ Эскимосские башмаки, или *камьки*, очень искусно шьются из тюленьей кожи. После использования их необходимо высушить, а затем размять специальной палкой с тупым широким концом, только тогда они будут вновь готовы к использованию. Сушить и разминать камьки и чулки из собачьей шкуры – самая важная часть домашних обязанностей эскимосской женщины.

¹⁴ Или, как иногда передают этот звук путешественники по Арктике, «Хак, хак, хак!».

сжег ее живьем. После этого он вновь остался совсем один и в конце концов в приступе безумия убил себя.

12. Человек, который женился на морской птице

Один человек, у которого не было жены, очень любил играть с тюленьими черепами и воображать при этом, что это его дети. Однажды, уходя в море на каяке, он разложил их на берегу и, садясь в каяк, сказал им: «А теперь будьте хорошими детьми и идите прямо домой!» Вернувшись и обнаружив их на том же месте, он воскликнул: «Похоже, все вы глухонемые; разве я не велел вам перед уходом держаться подальше от воды?» И, схватив один из черепов, бросил в море: «Посмотрите, ваш маленький братец упал в воду!» В другой раз, чувствуя себя очень грустным и одиноким, он убежал глубоко в тундру и случайно наткнулся на озеро, где купалось огромное множество женщин. При виде их у него появилась идея; он бесшумно пробрался к тому месту, где женщины сложили одежду, и забрал вещи той, что показалась ему самой красивой; после этого смело шагнул вперед. Увидев его, женщины заторопились к своей одежде, а одевшись, тут же превратились в морских птиц и улетели прочь. Осталась только одна, та, у которой человек забрал одежду; а он подошел к ней и спросил, хочет ли она стать его женой.

Она ответила: «Да, можешь взять меня, если хочешь, но только отдай одежду». Он отдал ей вещи, но не отпустил, чтобы она тоже не улетела, как ее товарки. Когда она оделась, он привел ее в свой дом и женился на ней.

На следующее утро он не посмел выйти в море на охоту из страха, что она может улететь; так и получилось, что он вообще перестал выходить в море, пока однажды она не объявила: «Теперь ты можешь без страха оставлять меня одну, ибо я по-настоящему полюбила тебя и ты можешь на меня положиться», и тогда он снова начал охотиться на тюленей. Со временем она произвела на свет сына, а когда он вырос, родился еще один сын; но после этого у них больше не было детей. Пока дети росли, мать иногда водила их на прогулку и по пути всегда велела им собирать птичьи крылья и перья; она говорила: «Дети, вы сродни птицам». В один из дней она привязала одному из мальчиков пару птичьих крыльев; он тут же обернулся морской птицей и улетел. Она сделала то же с его братом; а потом и сама надела крылья и улетела морской птицей вслед за сыновьями. Вернувшись домой, старик отец не нашел ни жены, ни детей и очень горевал. Тем не менее он продолжал выходить в море на своем каяке, хотя больше и не охотился на тюленей.

Однажды он высадился у песчаного холма и, оставив на берегу каяк, ушел далеко в тундру. Там он огляделся и заметил человека; тот стоял к нему спиной и что-то делал топором с куском дерева. Он подошел поближе и заметил, что нижняя часть тела этого человека заметно дрожит. И тут незнакомец спросил: «Откуда ты идешь?» Старик ответил: «Я иду навстречу тебе», на что тот заметил: «Если бы ты подошел сзади, я убил бы тебя на месте». Тогда старик обратился к незнакомцу и сказал так: «Ты получишь мой новый каяк, если расскажешь, не видел ли здесь троих людей?» – но тот ответил: «Мне не нужен твой новый каяк, и я не видел тех троих, о ком ты говоришь». Старик снова обратился к нему: «Я вижу, ты работаешь с деревом; я отдам тебе свой новый топор, дай мне только знать, не случалось ли тебе видеть этих троих?» – «Пожалуй, мой топор и правда сильно сточился. Иди и сядь на хвост лосося вон в той реке; но когда услышишь детские голоса, ни в коем случае не открывай глаз!» Старик так и сделал; он сел на хвост лосося и закрыл глаза. Услышав звук бегущей воды, он чуть приоткрыл глаза и понял, что его уносит стремительным течением; он снова закрыл глаза, и все смолкло. Затем он снова услышал звук; это был детский плач и жалобы: «Увы, увy, наш отец близко!» На это отвечал голос матери: «Послушайте, мы оставили вашего отца без всяких средств добраться сюда». Дети, однако, повторяли: «Наш отец приближается». В это время отец вышел на берег и подошел к дому с огромными окнами; он увидел, что все обитатели дома – женщины. Возле задней стены сидела его жена, а напротив нее мужчина с толстым приплюс-

нутым носом; мужчина непрерывно повторял: «Ты выйдешь за меня замуж?» Но женщина отвечала: «Нет, у меня уже есть муж». В это время все остальные покинули дом, и остались только эти двое. Наконец, когда носатый мужчина тоже вышел, старик попытался забрать свою жену обратно; но она быстро последовала за остальными, и, пока он гнался за ней, она, как и остальные, превратилась в чайку. Носатый мужчина превратился в дикого селезня; а оглянувшись назад, покинутый муж увидел, что и дом превратился в чайчий холм.¹⁵

¹⁵ Иначе – птичью гору – высокую насыпь из дерна и мха, которая собирается на верхушках маленьких островков, где долгое время обитают морские птицы, особенно чайки; в подобных местах скапливается огромное количество их помета.

13. Бесплодная жена

(Эта очень популярная сказка составлена из трех записей, совпадающих во всех существенных деталях.)

У одного человека была жена, которая не рожала ему детей. Муж завидовал всем, у кого были дети; однажды он велел жене привести себя в порядок, приодеться и пойти в такое место, где обычно ловил рыбу один старик, который уже перестал охотиться на тюленей. Этот старик, однако, был великим ангакоком. На следующий день, когда он сидел в своем каяке недалеко от берега и ловил рыбу, женщина появилась на берегу в своих лучших одеждах. Но так как старик, опасаясь мужа, не смел к ней приблизиться, она вскоре ушла. Тогда сам муж пошел к старику и пообещал ему половину своей добычи, если тот сможет придумать какое-нибудь средство завести детей. Когда на следующий день после этого жена вновь появилась на берегу, старик сразу же направил каяк к берегу и пошел к ней. С этого дня муж всегда отдавал старику половину добытых им тюленей; когда же он заметил, что жена его в тягости, он попросил старика поселиться в их доме, на что тот сказал в ответ: «Жена твоя родит тебе сына. Завтра, когда выйдешь в море на каяке, ты должен подгрести к птичьему утесу и добыть птицу *окаитсок* (большой баклан), которая послужит ей амулетом». На следующий день, когда муж принес добытую птицу, старик продолжил рассказ: «Отец, ты должен отыскать пустотелый камень черного цвета, на который никогда не светило солнце», когда же муж пошел и принес камень, старик сказал: «Наконец, ты должен пойти к могиле своей бабушки и принести домой ее ключи».

Когда все названные стариком предметы были собраны, жена родила сына. Старик дал ему имя Куяварсюк; камень он положил в ноги мальчика, а птицу выставил над окном. Старик также велел отцу сделать для мальчика каяк, как только тот будет в состоянии им пользоваться, и приготовить для него принадлежности и все необходимое для охоты. Когда мальчик вырос, отец сделал ему каяк; и не успели высохнуть шкуры, которыми он был обтянут, как каяк спустили на воду и, посадив в него мальчика, оттолкнули от берега. Старый ангакок так описывал, что должно произойти с ним: «В самый первый раз, как он выйдет в море, на поверхности поднимется один из «тихих» тюленей, и мальчик не вернется домой, пока не добудет десять штук. И потом, когда бы он ни вышел в море на каяке, он каждый раз будет добывать по десять тюленей». Теперь старик и отец вместе поспешили за мальчиком, но стоило им немного отстать, и из воды рядом с его каяком высунул голову тюлень; мальчик направил к нему каяк и загарпунил зверя, что привело старика в полный восторг. С этого момента мальчик начал охотиться. Став взрослым, он взял себе двух жен; и был всегда очень полезен родственникам и соседям, так как в трудные времена он один добывал для всех еду.

Однажды зимой море замерзло очень рано, и вскоре во льду осталась только одна полынья – прямо напротив их зимнего дома; в ней он каждый день добывал свои десять тюленей. Прошло еще время, и полынья стала такой узкой, что его каяк обоими концами задевал лед на ее краях; еще немного, и она закрылась совсем. Теперь все море сплошь было покрыто льдом. Великая растерянность овладела людьми, и начали они раздумывать, не пора ли им звать ангакока. Кто-то заметил вскользь, что видел летом, как дочь вдовы Игдлутсиалика колдовала в озере. Куяварсюк сразу же отправил к ней гонца и пообещал ей шкуру большого тюленя, если она сумеет заставить лед разойтись, а полынью открыться. Однако женщина отказалась. Они попытались уговорить ее и предлагали ей разные вещи, такие как одежда и лампы; но она никак не соглашалась. Но затем горсть бисера, принесенная кем-то, пришлась ей по душе, и она сказала матери: «Принеси мне летнюю одежду». Надев ее, она пошла на берег и пропала между разбросанными тут и там глыбами льда. Вскоре после этого люди услышали всплеск,

но ее больше не видели. Три дня она провела в глубинах океана, сражаясь на морском дне со Старухой (т. е. с Арнаркуагссак эскимосской мифологии), чтобы заставить ее отпустить морских зверей, которых та специально удерживала и заставляла плавать под своей лампой; а когда наконец ей удалось усмирить Старуху, она вновь вернулась на землю. Вечером третьего дня она вновь появилась на берегу среди ледяных глыб; она сказала людям, что теперь они должны отдавать ей каждого второго добытого тюленя – причем не только обычных тюленей, какие водятся в фиордах, но и больших тюленей, тех, у которых самая красивая шкура. Пока, однако, все море по-прежнему было покрыто льдом. Однако на следующее утро, на рассвете, лед вскрылся и возле домов появилась открытая полынья; а через некоторое время она настолько расширилась, что люди смогли спустить на воду свои каяки. Вскоре каждый из охотников добыл по два тюленя, и только Куяварсюк, как обычно, добыл десять штук, чем возбудил у остальных сильную зависть.

Однажды случилось так, что жены Куяварсюка отложили для брата его матери, которого ждали домой позже, только кусок спины от тюленьей туши, а не грудинку, как обычно. Брат этот оскорбился таким невниманием с их стороны и решил сделать (при помощи колдовства) тупилак для Куяварсюка. Он собрал кости всевозможных животных и изготовил из них тупилак – таким образом, что тот мог принимать форму различных животных, не только тюленей, но даже птиц; после этого он оживил свое изделие, отпустил его и приказал преследовать Куяварсюка. Сперва тупилак нырнул в глубину моря и вновь показался оттуда уже в виде тюленя; но Куяварсюк в тот момент уже направлялся домой и, когда колдовской зверь приблизился к нему, как раз вытаскивал свой каяк на берег. То же самое произошло на второй день, а затем и на третий. Тогда тупилак решил последовать за Куяварсюком в дом и там напугать его до смерти. Он превратился в *тугдлика* (гагара) и принялся кричать возле самого дома. Куяварсюк вышел; но поскольку его невозможно было заставить посмотреть на гагару, колдовство тоже не смогло сработать. Тогда тупилак решил залезть под землю и вылезти прямо в комнате. Но и на этот раз у него ничего не получилось – он вылез не внутри дома, а позади него, и только он собрался забраться на крышу, как столкнулся прямо с птицей-амулетом Куяварсюка; она тут же налетела на него и принялась щипать и царапать его морду. Тогда тупилак пришел в отчаяние и подумал: «И зачем только этот несчастный дурак сделал меня!» В ярости обернулся он против своего создателя. Нырнув в воду возле того места, где тот рыбачил, колдовской зверь вынырнул прямо под каяком, перевернул его и сожрал хозяина на месте. После этого он улетел прочь от человеческого жилья, в бурное море. А Куяварсюк остался невредимым и дожил до глубокой старости.

* * *

(У гренландцев есть и другие сказки о Куяварсюке. Образцом может послужить следующая история.)

Когда Куяварсюк вырос и стал мужчиной, он отправился на север. Там у него прежде был тезка, который умер от голода. Люди в тех местах занимались китобойным промыслом. Куяварсюк подружился там с одним юношей; они постоянно состязались друг с другом, но Куяварсюк во всем превосходил друга. В начале зимы им предстояло выяснить, кто сумеет обнаружить первого кита. Прежде Куяварсюку вообще не приходилось видеть подобных животных. К этому времени он поселился с одним стариком, и тот сказал ему: «Когда кит рядом, его невозможно не узнать; при дыхании он издает одновременно рев и шипение». И Куяварсюк всегда был настороже, стремясь не пропустить этих звуков.

Однажды ясным безветренным утром старик сказал: «Если киты в этом году придут рано, то появятся они, скорее всего, в такой вот день». Куяварсюк весь день провел в море в своем

какие; он прислушивался изо всех сил, но так и не смог услышать звуков, о которых ему говорили. Вечером после удачной охоты он вернулся домой и попытался заснуть, но не смог. Около полуночи он поднялся и, выйдя из дома, услышал звуки тяжелого дыхания; они постепенно приближались к нему с моря и остановились в устье залива. Он вернулся в дом и сказал: «Интересно, что за звуки я только что слышал?» Старик тоже вышел из дома, вернулся и сказал: «Так это же дышит кит! Он не пропустил подходящий денек!» После этого Куяварсюк лег и крепко проспал до утра. Но рано утром возле дома послышались крики его юного друга: «Куяварсюк, кит дышит! Ты опоздал!» На это ответил старик: «Ты ошибаешься, он знал это еще вчера и лег спать совсем недавно». Вскоре после этого друг сказал ему: «А теперь давай посмотрим, кто из нас лучше делает пузыри для охоты на кита». И на следующий день они вместе отправились на охоту, чтобы добыть для этого тюленей. Неподалеку от берега Куяварсюк добыл двух пятнистых тюленей, а его друг – ни одного. Погода стояла прекрасная, и у берега появились еще киты, поэтому в море выслали лодки для наблюдения за ними. Сначала Куяварсюк решил, что не выйдет в море с остальными, так как у него не было женщин и некому было грести в его лодке. Однако он увидел, что все охотники выходят в море вместе со своими соседями по дому, женщинами и остальными, и ему тоже очень захотелось в море; он собрал детей, посадил их гребцами в свою лодку и отошел от берега. Остальные лодки в это время стояли гораздо дальше от берега, и люди в них кричали Куяварсюку: «Если ты высматриваешь кита, тебе надо идти к нам; кит никогда не поднимется там, где вы сейчас находитесь!» Но он не обратил внимания на эти слова и остался, где был, так как мать всегда говорила ему: «Я зачала тебя на морском берегу, поэтому ты должен ловить свою удачу возле берега». Вскоре совсем рядом с ним появился кит; Куяварсюк сразу же пустился в погоню и загарпунил его, и кит не смог даже затянуть его пузырь под воду. Остальные опять закричали: «Если ты не потеряешь его, то преследовать его надо дальше в море!» Но он только ответил: «Все морские звери, которых я буду преследовать, будут уходить от меня к берегу и никогда не уйдут далеко от моего жилища». И его оставили одного, и он убил кита сам. Неизвестно, случалось ли ему добыть еще китов, кроме этого одного; но вполне возможно, что он добыл их десять штук. Когда пришла весна, он вернулся в свой прежний дом; он нашел старика рыболова живым и подарил ему весь китовый ус, самые длинные и лучшие пластины которого всегда доставались ему.

14. Два брата

(Эта сказка составлена из четырех записей, несколько различающихся между собой.)

Два брата жили в устье фиорда – старший на солнечном, а младший на затененном берегу залива. Однажды ночью служанка младшего из братьев, зайдя случайно за дом, увидела неожиданно, что в море сверкает что-то яркое; одновременно она заметила лодку, которая, казалось, приближалась к берегу и увеличивалась в размерах. Приглядевшись повнимательнее, она с ужасом поняла, что лодка эта – *умиариак* (сверхъестественная лодка с экипажем из сказочных существ). Она хотела убежать, но не могла пошевелиться; попыталась позвать на помощь, но поняла, что не в состоянии издать ни звука; ей ничего не оставалось, кроме как притаиться и молчать. Дальше она увидела, как из лодки высадилось множество людей, все со сверкающими мечами; они направились прямо к шатру и, обступив его со всех сторон, одновременно проткнули его копьями. Изнутри послышались громкие крики, а пришельцы бросились обратно к своей лодке. Служанка увидела, как вспенилась вода и от берега в море метнулось множество тюленей. Пока они не скрылись из вида, она была не в состоянии подняться; наконец она встала и пошла к шатру, где обнаружила, что все его обитатели убиты, а земля вокруг сплошь залита кровью. Хотя было еще темно, она никак не могла ждать, а сразу же пустилась в путь и забрела так далеко в глубь суши, что обогнула весь залив и добралась до противоположного берега, где жил второй брат. Добравшись до стойбища, она рассказала ему о том, что произошло, и о том, что все ее сородичи погибли. Но он что-то заподозрил и решил, что она сама убила их всех. Видя его недоверие, она только сказала: «Пойди сперва и посмотри сам, а потом, если захочешь, можешь убить меня». Тогда он отправился через фиорд к стойбищу брата; он увидел шатер, пронзенный со всех сторон, избавился от подозрений по отношению к служанке и стал думать только о том, как отыскать врагов. Он уговорил одного ангакока приехать и встретиться с ним, чтобы тот мог указать ему, где их искать. Ночью, когда ангакок прибыл, все лампы были погашены, и ангакок заговорил: «Смотрите! Там, далеко в глубине суши, я вижу их». Когда же они удалились настолько, что он уже не мог различить их, он велел снова зажечь лампы.

На следующий день оставшийся брат направился в глубь фиорда, оставил каяк на берегу и пошел прочь от моря; он был вооружен одним только копьем. Он шел долго, но наконец обнаружил дом и, подобравшись тайком к окну, заглянул внутрь. Он увидел, что на полу в доме сидит человек с одним глазом и вырезает из дерева какую-то штукювину. Обернувшись, человек заметил незнакомца и сразу же пригласил его войти в дом. Брат вошел в дом, подошел и сел рядом с одноглазым, но тот, однако, жестом велел ему отодвинуться и сказал: «Не садись так близко ко мне; я могу случайно порезать тебя». Гость подчинился и отодвинулся подальше, и тогда человек продолжил. Он сказал: «Пусть незнакомцу принесут чего-нибудь освежиться». После этих слов послышался взрыв громкого смеха, и из-под лавки высыпало множество *нарайюков* (пузатых); других женщин в доме не было. Они высыпали из дома, но вскоре вернулись и принесли много еды, в основном оленьего жира и мяса. Тогда хозяин сказал гостю: «Завтра я пойду с тобой и помогу отыскать твоих врагов, но сейчас ты должен лечь и отдохнуть здесь; тебе нечего бояться».

На следующий день одноглазый мужчина приготовился следовать за гостем; он взял с собой большой пук стрел в кожаном чехле. Немного углубившись в тундру, он зашагал так быстро, что его спутник еле успевал за ним. Наконец он остановился, положил стрелы на землю и сказал: «Повернись лицом к тундре и крикни погромче». Гость, сам не зная зачем, повернулся лицом прочь от моря и испустил громкий крик, на который тут же появились три больших белых медведя. Одноглазый прицелился из своего лука и убил всех троих. После этого он снова сказал: «Повернись и крикни еще раз так же!» Гость крикнул еще раз. После этого крика

появилось множество людей, вооруженных луками и стрелами. Гость ужасно перепугался; но его спутник, видя это, сказал: «Иди и спрячься позади меня; но помни: как только высунешь голову, тебя подстрелят». Укрывшись таким образом позади своего защитника и трепеща все время от страха, он вскоре увидел, как справа и слева от него полетели стрелы; через некоторое время, однако, их количество уменьшилось, а затем они и вовсе пропали. Враги истратили все свои стрелы и обратились в бегство. Тогда одноглазый поднял свой лук, а по-прежнему жаждущий мщения старший брат свое копьё, и оба пустились в погоню. Они догнали и убили всех врагов. На обратном пути хозяин обратил внимание на оружие своего спутника и принялся расспрашивать о нем, поскольку прежде не видал ничего подобного; расспросив, он сказал, что очень хотел бы купить у гостя копьё; тот в благодарность за помощь согласился. По возвращении они пошли вместе в его кладовую, и он получил взамен копья знаменитые «шкурки морского зайца» (т. е. белые шкурки северного оленя с черными отметинами). Хозяин позвал одну из маленьких женщин и велел ей отнести их. Она положила связку шкур на живот и побежала так быстро, что гость был не в состоянии за ней угнаться. Вернувшись домой, он обнаружил их на крыше своего дома, и с тех пор дух его был спокоен.

Примечание. Эту мистическую историю в Гренландии рассказывают по-разному. По всей видимости, она происходит от некоей исторической легенды, основанной на всеобщей вере в то, что тюлени, если их преследуют и убивают в слишком больших количествах, могут мстить людям в образе умиариаков – т. е. вооруженных людей в лодке, сделанной из единого куска льда. В одной из версий сказки обитателей внутренних земель, о которых в ней говорится, называют эркилеками, в другой – «людьми, которые мигают вдоль». Такое описание сильно напоминает название одного из индейских племен (*лучо*, или косоглазые); это племя и до сего дня остается одним из самых враждебных эскимосам. Говорят, что при помощи определенных движений глаз они способны сделать себя неуязвимыми для стрел врагов.

15. Гивиок

(Эта сказка в основном взята из единственной записи; тем не менее ее хорошо знают по всей Гренландии. В ней можно обнаружить слабые следы индейских сказаний о Гайавате.)

Рассказывают, что Гивиок потерял жену и собирался уже в отчаянии покинуть своего ребенка и место, где она была похоронена. Он дождался только, пока мальчик заснет, и осторожно спустился с лавки на пол; но ребенок заплакал, и он снова лег рядом с ним. В другой раз он был совсем готов и даже нагнулся, чтобы выйти из дома, но вместо этого вернулся, не в состоянии покинуть сына. Однажды малыш возбужденно влетел в комнату со словами: «Там, снаружи, идет мама с каким-то незнакомцем». Гивиок ответил: «Твоей мамы здесь нет; она лежит вот там, под большими камнями»¹⁶. Но малыш настаивал, говоря: «Ну посмотри сам!» Гивиок выглянул в окно и действительно увидел свою жену в объятиях другого мужчины. Он пришел в страшную ярость, выбежал из дома, убил обоих и уложил их одного на другого в каменную могилу. После этого отец и сын легли спать; однако, пока мальчик спал, отец выполнил наконец свое намерение и сбежал. На этот раз, проходя в дверь, он не обратил внимания на крики мальчика, сел в каяк и поспешил прочь. Он греб все дальше и дальше в бурное море; один раз наткнулся на водоворот и чуть не утонул в нем. Все же ему удалось как-то остаться в живых. Затем он оказался среди отвратительных *морских вшей*. Сперва он пытался удержать их на расстоянии, отбиваясь шестом, но шест вскоре был ими съеден. Затем он бросил им свои рукавицы из тюленьей кожи; увидев, что и они продержались немногим дольше, он догадался надеть на лопасти своего весла пару старых рукавиц, чтобы звери не съели его весло раньше, чем он успеет ускользнуть от них; и так ему удалось миновать стаю. Он продолжил путь и вскоре увидел длинную черную линию; он подплыл ближе и понял, что это морские водоросли, да такие плотные, что он вышел из каяка, лег отдохнуть и заснул на них. Проснувшись, он принялся проталкивать себя и свой каяк руками и так продвигаться сквозь водоросли. Он продолжал грести, пока не заметил впереди два айсберга и узкий проход между ними; он заметил еще, что проход этот то открывается, то закрывается вновь. Он попытался обогнуть айсберги и таким образом миновать их, но они все время оказывались впереди; и в конце концов он решился войти в проход между ними. Он быстро и решительно греб вперед, и едва успел миновать проход, как ледяные горы вновь сомкнулись, поцарапав задний конец его каяка. Наконец он разглядел вдали что-то темное и вскоре после этого приплыл к земле, которая огромной протяженной массой нависла над ним. Тогда Гивиок подумал: «Если эта земля необитаема, то я наверняка найду здесь голую скалу»¹⁷; и вскоре он действительно отыскал такую скалу. Вскоре после этого он обнаружил дом по дыму из отверстия дымохода и быстро понял, что внутри готовят еду. Он направился прямо к дому, опрокинул дымоход и спрятался неподалеку. Тут же из дома выбежала женщина и со словами «Неужели кто-то опрокинул его?» привела дымоход в порядок; заметив тем временем Гивиока, она быстро вошла в дом, но так же быстро вернулась и сказала ему: «Тебя приглашают войти». Он вошел и увидел отвратительную старую каргу, лежащую под одеялом; старуха велела дочери пойти и принести ягод; та выбежала прочь и скоро вернулась с огромной миской ягод, щедро сдобренных жиром. Гивиок начал есть; он заметил: «Они и правда очень вкусны!» – а Усорсак (так звали старую каргу) ответила: «Ничего удивительного; жир-то в них от молоденького парнишки». Гивиок, однако, возразил на это: «Фи! Ничего подобного я не смог бы есть»; наклонившись вперед, он заметил под лавкой множество человеческих голов, выставленных в ряд; а когда старуха

¹⁶ Эскимосы в Гренландии и на большей части их земель всегда хоронили умерших под горами камней.

¹⁷ Место, которое эскимосы использовали для сушки продовольствия, – а значит, такое, где не растет мох.

немного приоткрыла одеяло и повернулась к нему спиной, он заметил, как сразу позади нее что-то блеснуло. Когда все они собирались лечь спать, Гивиок сказал: «Мне нужно ненадолго выйти наружу». Сказав так, он так и сделал и вскоре отыскал плоский камень, чтобы прикрыть себе грудь; он вернулся в дом и улегся на лавке под окном. Только он успел притвориться спящим, как услышал слова дочери: «Вот теперь он крепко заснул», и в то же мгновение старая карга спрыгнула со своего места на главной лавке; но он зашевелился, как будто заснул еще не до конца, и она осторожно вернулась обратно. Когда он снова затих и перевернулся на спину, подставляя грудь, дочь вновь сказала: «Теперь-то он наверняка спит»; и снова ее мать слезла с лавки – еще быстрее, чем в первый раз, – запрыгнула туда, где лежал он, и уселась всей тяжестью ему на грудь; она громко вскрикнула: «Вот это да!» – но тут же скатилась вниз. «Какая жалость! – воскликнула ее дочь. – Усорсак сломала себе хвост, а она так чудесно кормила всех нас с его помощью!» (т. е. убивала людей при помощи своего хвоста). Тогда Гивиок поднялся с лавки, уронил камень и убежал из дома, а дочь кричала ему вслед: «Ты негодяй! С каким удовольствием попробовала бы я твои мягкие щечки!»; он, однако, уже запрыгнул в каяк, едва не опрокинув его. Но тут же поднялся вновь и воскликнул: «Стоит, пожалуй, проткнуть ее гарпуном!» Сказав так, он убил ее на месте.

После этого он продолжил свой путь и через некоторое время вновь приплыл к голой скале. Неподалеку от скалы он вышел на землю и, как в первый раз, направился к ближайшему дому. Там он, тоже как в первый раз, опрокинул дымоход, а сам спрятался. Снова из дома показалась женщина; когда она вернулась в дом, он услышал, как внутри гадали, отчего опрокинулся дымоход, – ведь ветра не было. Когда она вновь появилась снаружи, Гивиок вышел из укрытия, и его пригласили в дом. Он шагнул через порог и увидел, что все стены в доме сплошь завешаны охотничьими пузырями. В этом доме тоже обитали мать с дочерью. Мать заговорила: «Скоро начнется прилив; плохо, что у нас нет никого, кто мог бы выгнать на берег нашу добычу, после того как мы загарпунили рыбу и прикрепили к ней пузыри». Гивиок ответил на это: «У меня неподалеку есть каяк; я только что приплыл от дурных женщин вон там и убил их обеих». – «Тогда спасибо тебе! – воскликнули мать и дочь. – В нашем доме тоже были мужчины, но эти чудовища умертвили их всех; а теперь тебе лучше остаться здесь с нами». Гивиок сразу же согласился, и они сказали: «Завтра будет низкая вода; когда ты услышишь страшный рев, поторопись вернуться назад: так начинается прилив, и в это время ты должен быть на берегу». После этого они легли спать. Гивиок крепко спал, когда рев воды неожиданно разбудил его и он увидел, как дочь выскользнула из дома. Он поспешил к морю; но когда прибежал, то оказалось, что женщины успели уже наловить палтуса и рыбины теперь лежали высоко на сухом берегу. Он успел только прикончить несколько оставшихся рыб, как снова послышался рев прибывающей воды; через него покатались громадные волны, и ему еле удалось выбраться на берег. Рыба, которую они успели загарпунить, благодаря пузырям осталась плавать на поверхности, но ее стало сносить к противоположному берегу. Гивиок, однако, сел в каяк и притащил ее обратно, за что женщины были ему очень благодарны; и какое-то время он жил с ними. Затем его начали преследовать воспоминания о сыне, и он сказал себе: «Бедный мой маленький сынок! Как жалобно он плакал, когда я уходил! Как тяжело было это слышать! Я непременно должен поехать повидаться с ним».

Так что он оставил это место и отправился в путь. Он плыл все дальше и дальше и снова увидел все те опасности, что встретились ему в первый раз, но снова сумел избежать их. Наконец он добрался до противоположного берега и услышал чье-то пение. Он поплыл на звук и увидел множество лодок; все они тащили добытого кита, на спине которого стоял сильный мужчина. Отец не узнал его; но это был его сын, и он охотился на кита. Отец оставил его плачущим ребенком, а теперь увидел великого охотника на спине убитого им кита.

16. Тиггак

(Это краткий пересказ трех несколько различающихся записей из Гренландии. Мотив этой сказки прослеживается также в одной из лабрадорских легенд.)

Тиггак был знаменитый ангакок и колдун. Он женился на девушке, у которой было много братьев; после этого он стал пренебрегать своими обязанностями и отказался от охоты. Когда утром братья его жены покидали дом, они не могли уговорить его следовать за ними; иногда он даже спал до возвращения первого из каякеров, да и потом ничего не делал, только сидел с женой и бездельничал, пока не наступало время снова ложиться спать. Остальных это обижало, и они сообщили ему о своем недовольстве. Однажды вечером один из братьев велел сварить и подать грудинку, а затем сказал Тиггаку: «Поешь мяса – это нетрудная работа». Тиггак взял большой кусок и, не обращая внимания на замечания шурина, съел его весь и ничего не ответил.

Стояла середина зимы. Однажды вечером их разбудил шум ветра; с севера пришла буря. Братья прекратили охотиться и стали жить на одной только запасенной провизии; но в конце концов запасы кончились. Тиггак пропал. Ближе к вечеру они начали искать его, но поднялась ужасная метель. Поздно ночью они услышали крик и увидели, что Тиггак возвращается и тащит за собой двух тюленей. После этого он сильно вырос в их мнении, и все стали гораздо лучше о нем думать. Теперь уже ему подавали грудинку, а он, обращаясь к братьям, говорил: «Подходите и налегайте на еду; мясо сварено и подано, а есть – нетрудная работа». И все ели, но никто ничего не говорил. На следующий день повторилась та же сцена. Всю зиму Тиггак добывал для остальных еду, но летом снова бросил это занятие и оставил всякую работу братьям жены.

Со временем Тиггак усыновил одного мальчика. Снова наступила зима, и море до самого горизонта покрылось льдом. Теперь Тиггак один продолжал бродить по льду и высматривать туманную дымку – он искал полыньи во льду, указывающие на места, куда приплывают подышать морские звери. В поисках тюленей он уходил далеко, за самые дальние острова. Однажды выдался безветренный ясный день, и Тиггак решил выйти на лед вместе с братьями жены. Он обратился к своему приемному сыну и сказал: «Сегодня ты можешь пойти с нами и попробовать свои силы в охоте на тюленей». Они добрались до дальних островов, и Тиггак пробил лед, чтобы посмотреть на состояние воды под ним. Закончив, он сказал: «Кажется, пора возвращаться; похоже, что морские водоросли движутся к берегу – посмотрите только!» Братья взглянули и увидели, что течение, которое в этом месте шло к берегу, движется быстрее обычного. Тиггак сказал: «Скоро будет буря; надо как можно скорее спешить к берегу». Они не могли поверить его словам – такая тихая стояла погода, – но все же оставили добытых тюленей и поспешили за ним.

Вскоре стало видно, как на горных вершинах вспенился и закружился снег; а когда охотники добрались до ближайшей к берегу гряды островков, разыгрался яростный шторм. Лед оказался взломан. Тиггак схватил сына за руку и побежал изо всех сил, перепрыгивая через трещины. Наконец они подбежали к широченной трещине возле самой земли, и все охотники перепрыгнули на противоположную ее сторону; один мальчик не осмелился прыгнуть и теперь бежал взад и вперед по краю трещины. В конце концов Тиггак сжалился и вернулся к нему, и все остальные последовали за ним; но теперь льдина вместе с ними отошла от берега. То и дело волны набегали на край льдины, где стояли люди; все молчали от страха. Наконец кто-то заметил: «Говорят, Тиггак превзошел магическое искусство, а нас сейчас уносит в бурное море». На это Тиггак ответил: «Я знаю только короткую песню для заклинания океанской пены» – и тут же запел. Когда он закончил, все увидели недалеко впереди айсберг; через короткое время льдина подошла к нему, а вскоре они увидели и место, где нетрудно было взобраться наверх.

Айсберг, однако, непрерывно ходил вверх-вниз, так что им приходилось выбирать момент для прыжка. Когда они подошли к месту, где рассчитывали перебраться на айсберг, Тиггак прыгнул первым и сумел удержаться на ледяной горе; за ним перепрыгнули остальные. Однако все они по-прежнему плыли в открытое море. И снова кто-то заметил: «Мы наверняка умрем от жажды, если только Тиггак не знает какого-нибудь заклинания, которое нам поможет». Он ответил: «Я знаю одну только простенькую песенку для добывания воды». Только он закончил петь заклинание, как в самой середине айсберга пробился маленький родничок. Братья сразу же захотели напиться, но он велел им подождать, сказав, что иначе он наверняка сразу же пересохнет. Он попробовал воду сам и только потом разрешил им пить; и теперь родник уже не должен был измениться.

Они долго дрейфовали, а затем увидели вдаль обширную землю; и Тиггак сказал своим спутникам: «Если кому-то из вас повезет спрыгнуть на берег, этот человек не должен оборачиваться к морю, пока позади него остается кто-то из нас, иначе спасительный айсберг развалится на куски и пропадет». Когда охотники действительно начали один за другим спрыгивать на берег, никто из них не оглянулся; но когда успешно спрыгнул последний, сам Тиггак обернулся к морю и воскликнул: «Посмотрите-ка на наше прибежище!» – и правда! вот! ничего от него не осталось, кроме кучи пены. Тогда они решили отправиться на поиски жителей этих мест; прошли по перешейку на материк и увидели множество домов. Вскоре их пригласили в один из них. Они сбросили с себя верхнюю одежду и, повесив ее на опоры лодочного помоста, вошли. Во время трапезы в комнату заглянул косоглазый взлохмаченный юнец и воскликнул: «Незнакомцев с востока приглашают в гости!» Прошло немного времени, и он появился вновь с тем же посланием. Хозяин при этом заметил: «Он так настойчиво приглашает, что вам следует пойти». Они так и сделали и вошли в другой дом, где собралось множество людей. На главной лавке сидел неприятный мужчина гигантского роста, а рядом с ним такая же старуха, глодавшая большую лопаточную кость. Великан вытащил тюленью шкуру, расстелил ее на земле и воскликнул басом: «Добро пожаловать на состязание борцов!» Братья зашептали Тиггаку на ухо, что ему нужно идти первым, но он сказал на это: «Не так; сначала пусть поборет вас, а я следом». Остальных гостей выгнали прочь, и старая карга заперла вход своей обглоданной лопаткой. После этого один из братьев сцепился с великаном руками, однако не осилил и вскоре вынужден был уступить силачу; тот схватил его за ноги, упал на него сверху и раздавил насмерть – он успел только коротко простонать. Тогда великан велел подать веревку; как только веревку спустили с потолка, он обвязал ее вокруг мертвого тела и вздернул его под крышу; там сразу же раздался звон ножей и восклицания, вроде «Вот его глаз; давайте оставим его хозяину». Тиггактем временем подумал: «Таким порядком я скоро потеряю всех жениных братьев» – и шепнул тому из них, кто собирался выйти бороться следующим: «Дай-ка теперь мне с ним потягаться!» Они сцепились руками; великан дернул изо всех сил и чуть не оторвал Тиггаку руку. К счастью, Тиггаку удалось остановить его порыв. Он чуть приостановился, сделал вид, что побежден противником, а потом неожиданно швырнул его на землю и прыгнул сверху. Теперь и братья пришли ему на помощь, и вместе они умертвили великана точно так же, как сам тот обошелся с их братом. После этого Тиггак подделался под голос великана и крикнул наверх: «Веревку, веревку!»; веревка тут же появилась и была обвязана вокруг шеи великана; и опять он крикнул: «Тяните!» Снова послышался звон ножей, но через некоторое время все стихло. Наконец кто-то крикнул: «Неужели мы разделяем собственного хозяина? Заставим этих, внизу, пожалеть об этом!» И сверху тут же полилась вода. Они попытались выбраться из дома, но не нашли выхода. Однако тут Тиггак вспомнил, что в подкладке верхней куртки, которую он оставил возле дома на лодочных шестах, у него зашит амулет; он крикнул наружу: «Принесите мою куртку, что лежит снаружи; она нужна мне для погребальных одежд!» Вопреки ожиданиям, сверху ему действительно бросили куртку; схватив ее, он потянул что-то из внутренней меховой подкладки; это и правда оказался его амулет. Он положил амулет в рот

и сказал: «Отомсти за нас!» – а затем вынул его обратно. Снаружи уже слышались испуганные восклицания: «Он падает!», «И этот тоже!», «И там еще один!» и так далее; а через некоторое время амулет вернулся, весь в крови. Хозяин как следует вытер и вычистил его и снова бросил наружу с криком: «Всех!» Когда амулет в следующий раз вернулся к хозяину, снаружи уже не доносилось ни звука. Тогда они начали искать выход и в углу лежанки обнаружили наконец путь наружу. Не найдя никого в живых, они вернулись в тот дом, куда их пригласили сначала, и снова принялись за еду. Но безумного вида юнец опять появился у входа и заявил: «Вот что я вам скажу – Апиак сейчас злодействует изо всех сил: она готовит мозг, кисти рук и ступни своего сына». Тиггак, однако, его не понял. Юнец вернулся еще раз и снова повторил то же самое; но Тиггак снова ничего не понял и отпустил его. Один из братьев жены – тот самый, кто каждый раз вспоминал, что Тиггак изучал магическое искусство, – теперь сказал: «Должно быть, это мозг, кисти и ступни того, кого ты убил там, и его мать, наверное, собирается попотчевать тебя блюдом из них. Когда тебя пригласят, ты увидишь прямо перед входом продолговатое блюдо, полное прекрасно приготовленных мозгов. Войдя в комнату, ты должен быстро схватить блюдо и, стоя прямо лицом к ней с закрытыми глазами, все съесть – если ты будешь есть это с открытыми глазами, то лишишься ума и умрешь; доев, ты должен сразу же перевернуть блюдо вверх дном и поставить на прежнее место. Проделав все это, открой глаза и сядь возле лампы. Тогда она обратит на тебя свой взгляд, но ты не двигайся; а когда она возьмет блюдо и снова перевернет его – содержимое тут же полностью восстановится, – ты скажешь ей: «А теперь, пожалуйста, съешь что-нибудь и ты, как я съел». Она станет есть, не отводя от тебя глаз, и смотри, что с ней произойдет!» Когда брат жены сказал все это, вновь появился косоглазый юнец со словами: «Чужестранец должен следовать за мной!» Тиггак направился к дому старой карги и проделал все в точности так, как ему было сказано; поев, злая старуха лишилась разума и умерла. Тогда Тиггак вернулся к братьям своей жены и сказал: «Я убил старую каргу; но они не успокоятся и будут продолжать, если мы останемся здесь; поэтому нам лучше всем вместе уйти отсюда и вернуться к себе домой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.